НИКИТСКИЙ
КЛУБ

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 122

КУЛЬТУРНЫЙ КОД НАЦИИ

В честь дня рождения С.П. Капицы

МОСКВА 2023

Никитский клуб

Н62 Цикл публичных дискуссий.

Культурный код нации. *В честь дня рождения С.П. Капицы*

Выпуск 122 — М., 2023 — 78 с.

14 февраля — день рождения С.П. Капицы. Дни рождения Сергея Петровича традиционно отмечаются в Клубе заседаниями, темы которых так или иначе отвечали бы его интересам. В этом есть некая условность, потому что интересы профессора Капицы как человека во многих отношениях энциклопедического были безграничны. По меткому и глубокому определению академика К.В. Анохина, С.П. Капицу можно назвать хабом, «дважды хабом», неким узлом социальных связей «в пространстве и времени» (*см. в Приложении выступление на заседании в честь 90-летия С.П. Капицы*).

14 февраля 2023 года Сергею Петровичу исполнилось бы 95. «Культурный код нации» — тема по масштабу этому событию. «На вещи надо смотреть по-крупному», — говорил проф. Капица, подчёркивая значение междисциплинарности в исследовании того или иного предмета. С докладами на заседании выступили режиссёр *А.С. Кончаловский* и экономист *А.А. Аузан*. «Урок, который, мне представляется, все мы могли извлечь из сегодняшнего разговора, заключается в том, что то, что происходит вокруг нас, — как бы оно ни было животрепещуще, горячо, тревожно, — всегда имеет несопоставимо более длинные корни, чем мы успеваем в суете осознать. И с несопоставимо бóльшим трудом, чем кажется власть имущим, поддаётся переменам. И чем больше мы об этом знаем, тем больше у нас шансов на продолжение нашего национального генома, национального кода — уж как хотите, так называйте... Метафора не очень удачная, но мы все к ней привыкли» (*А.Привалов*)

ББК 19; 71.4

© Московская Биржа, 2023
© Никитский клуб, 2023

Заседание

Культурный код нации

В честь дня рождения С.П. Капицы

14 февраля 2023 года

Участники обсуждения:

Аузан Александр Александрович, декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Бортко Владимир Владимирович, режиссёр, сценарист, народный артист России

Булдаков Владимир Прохорович, главный научный сотрудник ИРИ РАН, доктор исторических наук

Гринберг Руслан Семёнович, научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН

Дементьев Виктор Евгеньевич, руководитель научного направления Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, член-корреспондент РАН, профессор

Егерев Сергей Викторович, главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, кандидат психологических наук

Захаров Александр Владимирович, генеральный директор ММВБ в 1992–2003 гг.

Зелёный Лев Матвеевич, научный руководитель ИККИ РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН

Иванова Наталья Ивановна, руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, академик РАН

Капица Мария Сергеевна, кандидат психологических наук, доцент психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

Кончаловский Андрей Сергеевич, режиссёр театра и кино, сценарист

Коробьина Ирина Михайловна, кандидат архитектуры, профессор МАРХИ

Кузьмина Александра Александровна, главный архитектор Московской области

Москвин-Тарханов Михаил Иванович, ГБОУ «Пушкинский лицей»

Привалов Александр Николаевич, вице-президент – председатель Совета Никитского клуба

Разумовский Феликс Вельевич, автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»

Рахматуллин Рустам Эврикович, эссеист, историк, москвовед

Саватюгин Алексей Львович, аудитор Счётной палаты Российской Федерации

Тамбовцев Виталий Леонидович, главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор

Черниговская Татьяна Владимировна, директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических наук и доктор биологических наук, член-корреспондент РАО

Экштут Семён Аркадьевич, заместитель шеф-редактора журнала «Родина», писатель, доктор философских наук

Заседание ведёт **А.Н. Привалов**

А.Н. Привалов, *вице-президент – председатель Совета Никитского клуба*

Добрый вечер, господа! Давайте начнём.

Позавчера пришла горестная весть. Скончался друг нашего клуба, выдающийся режиссёр и педагог Вадим Юсупович Абдрашитов. Вот в этой комнате четыре с небольшим года назад мы обсуждали его сообщение, которое называлось «Важнейшее искусство кино»[1]. Я помню, как он с некоторым удивлением сказал, что не ожидал в нашем кругу столь заинтересованного отношения к его теме. Заинтересованное отношение ко многим темам у нас есть. Оно — традиция нашего основателя, Сергея Петровича. Но оно отчасти было и отражением его [В.Ю. Абдрашитова] страстной вовлечённости в то, о чём он говорил. Повторю, позавчера он скончался. Прошу почтить его память. [Минута молчания.] Благодарю вас.

Сегодня мы обсуждаем тему, которая называется «Культурный код нации». Обычно ко дню рождения Сергея Петровича Капицы — а сегодня как раз его день рождения, сегодня ему исполнилось бы 95 лет — мы всегда старались подобрать тему, которая так или иначе отвечала бы его интересам. Это никогда не было сложно, потому что его интересы были поистине безграничны. Это был человек энциклопедический во многих отношениях. И в отношениях собственных познаний, и в отношении собственных интересов, что, как мы понимаем, не всегда совпадает. И в отношении связей — он был знаком лично через научные труды или по совместному участию в каких-то конференциях с неимоверным количеством людей разных слоёв, разных стран, разных специальностей. Он объединял в себе многое такое, что, в принципе, в одном лице объединяется нечасто.

На заседании 5 лет назад, к 90-летию Сергея Петровича[2], очень хорошую метафору предложил Константин Владимирович Анохин [нейробиолог, академик РАН]. Он назвал Сергея Петровича Капицу хабом. Всякий, кто хоть раз побывал, например, в франкфуртском аэропорту, понимает, что это за гигантская вещь, и какая от неё гигантская многообразная польза, и как она незаменима. Никакого сравнимого хаба, который соединял бы разные сферы познания — и науку, и искусство, и людей науки и искусства с людьми власти, — никакого сравнимого хаба, каким был Сергей Петрович, пока мы не видим. Дай бог, может, когда-нибудь появится. Пока поздравим друг друга с днём рождения Сергея Петровича. И напомним друг другу, что наш Никитский клуб есть тоже некоторый хаб, который в меру своих сил тоже соединяет обычно не соединяющиеся вещи. Постараемся марку, доставшуюся нам от основателя, не уронить.

Итак, культурный код нации. Вы, небось, не знаете, да и я недавно не знал, а в прошлом году стартовал проект «ДНК России». Он поставил своей целью объединить академическое сообщество нашей страны и на междисциплинарной метапредметной основе сформировать профессиональную дискуссию по поводу российского мировоззрения. Проект идёт. Запущен научный клуб «Гуманитарный реактор». Идут «круглые столы», исследовательские семинары.

Одним из первыхw решений научной работы стало определение и операционализация самого понятия «мировоззрение». Выясняется, что есть пять ключевых

---

[1] Заседание 20 декабря 2018 г. См. Выпуск № 97 на сайте Никитского клуба: http://nikitskyclub.ru/?mode=pubs&year=2018

[2] Заседание 13 февраля 2018 г. См. Выпуск № 92, там же.

Вступительное слово А.Н. Привалова

позиций для осознания и раскрытия нашей идентичности. И ещё много-много вот таких разных слов. И они все будут множиться, потому что на это выделены деньги. Они все будут навязываться в качестве повестки дня на гигантском количестве площадок. Они будут впендюриваться, как картофель при Екатерине, с той маленькой разницей, что от картофеля была польза. А от этого бла-бла-бла пользы нет.

Дело не новое, так у нас многие важные события оформляются в пустословие. Вспомним, например, о бесконечной реформе отечественной школы, уже 20 или 25 лет идёт непрестанное повторение слов «компетентностный подход»[3]. Эти слова впендюрены во все официальные документы, касающиеся образования. Во все по многу раз! Ни один человек никогда не дал ни одного инструментального объяснения тому, что это такое! Или вот, Александр Александрович [Аузан] не даст соврать, в течение многих десятилетий нам говорили, что стране необходимы радикальные реформы. Радикальные реформы, радикальные реформы... Но никто и никогда не дал списка того, какие радикальные реформы имеются в виду и должны быть, наконец, проведены. Равным образом и сейчас найдена такая же бессмысленная… Ну, не буду говорить «бессмысленная» — такая же всеобъемлющая формулировка: «традиционные ценности». Никто ни разу никогда не попытался сказать, что такое традиционные ценности.

А.С. Кончаловский, *режиссёр театра и кино, сценарист*

Были такие попытки.

---

[3] Среди множества определений, к примеру: «Компетентностный подход — это подход, при котором результаты образования признаются значимыми за пределами системы образования»; «Компетентностный подход — реальная возможность универсальных учебных действий обучающихся, которая позволяет им решать проблемы, организовать эффективную познавательную деятельность, стать субъектом собственной жизни».

А.Н. Привалов

Хорошо, попытки наверняка были, я понимаю. Никто не дал перечня, за который можно подержаться, который можно обсудить, с которым можно иметь дело.

А.С. Кончаловский

В ЦК КПСС называлось это «национальная особенность».

А.С. Кончаловский

А.Н. Привалов

Это гораздо уже. Тут всё-таки имеется в виду нечто более всеобъемлющее. И, что самое главное, во всех других примерах, которые я сегодня приводил, которые вы сейчас привели, не предполагалось, что всякий человек, независимо от его образовательного, интеллектуального уровня, должен будет внести в это дело посильную лепту. А сейчас предполагается. Потому что сейчас действительно идёт волна попыток — обычно в форме доносов, иногда в какой-то другой форме — определить, что такое «традиционные ценности» и как с ними надо обращаться.

Доносы — ладно, это мелочь, это пустяки. Вот люди создали «Культурный фронт России». Создали «Кодекс чести деятелей культуры» России за нравственные идеалы, за возвышение души человека. Они предлагают, чтобы произведения культуры, которые создают для внимания населения нашей страны, удовлетворяли очень жёстким принципам. Прочту некоторые из них: «Зло не может быть представлено привлекательным, а добро в отрицательном свете». Например, «Героя нашего времени» больше не переиздавать, потому что конченый мерзавец Печорин там довольно привлекателен. «Супружеская измена в произведениях искусства не должна быть представлена в привлекательном свете и не подлежит оправданию». Немедленно на площадях сжигается «Дама с собачкой». Немедленно!

А.А. Аузан, *декан экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук*

«Анну Каренину» — можно.

А.Н. Привалов

С «Анной Карениной» совсем плохо. «Зло не может быть представлено привлекательным, добро отрицательным». Единственный хороший человек в «Анне Карениной» — это Каренин. Единственный хороший человек! Тут дело вот какое: он там самый противный, про него читать скучно.

А.А. Аузан

Стива [Облонский] симпатичный.

А.Н. Привалов

Да, Стива симпатичный, но не скажешь, что он хороший человек. Ну трудно сказать! Тут дело какое? Тут, отчасти, наследие не пережитого прошлого. Не сердитесь, Владимир Владимирович, но, конечно, более всего коммунистического [режиссёру В.В. Бортко, члену Компартии России]. Хотя дело началось раньше.

Нам почему-то очень давно, по меньшей мере полтораста лет как, внушают, что народ — это не все мы. Вот скажи французу, что Планше — народ, а Д'Артаньян — не народ, он тебя просто не поймёт. Он не догадается, о чём ты говоришь. А мы привыкли, что Иван-дурак — это народ, а Иван-царевич — нет. Это неправда. Но нам уже всучили, что ты народ, да не тот! «Править Русью призван только тёмный народ», — классик меня простит за перемену эпитета [«черный народ»; из стихотворения А.К. Толстого. «Поток–богатырь»]. Поэтому суждения о том, каков нравственный идеал, каков культурный код, должны выдвигаться простые, чтобы понимал народ именно в этом понимании, в узком. Простые не как «Начала» Евклида, а как ломовая телега. Вот выдвигаются тезисы, что не должно быть супружеской измены в положительном варианте. И прочая, и прочая, и прочая... Это неверно.

Между тем сама по себе тема, о которой мы говорим, которую мы сегодня будем обсуждать, она безмерно актуальна. Её острота сейчас на самом деле чрезвычайно велика, потому что страна находится в очевидно переломном моменте. И, конечно, очень важно себя осознавать.

А.С. Кончаловский

Как всегда.

А.Н. Привалов

Острее, чем всегда. Ну острее, будем честны, не каждый день так. Вообще-то, понятно, что у нас коней на переправе не меняют, а переправа — всё время, это да. Но сейчас именно поострее. И очень бы хотелось что-то такое понять. А нам будут предлагать вату вот в каком духе: «Наша идентичность состоит из первичной единицы общественной вовлечённости, из позиции культурно обусловленного социального горизонта, из пространства самореализации и пространства права определения». Может быть, всё это даже и правда. Но от этого нет никакого утешения.

Нельзя сказать, что поле непаханое. Поле, конечно, паханное. И паханное давно. Я помню, — простите за личное воспоминание, но забыть не могу, — примерно лет 20 назад, сидючи, извините, на итальянском курорте, я выл от восторга, читая книгу Ксении Касьяновой «О русском национальном характере». Выл от восторга! Хотя там вовсе не всё лестно. Я выл от восторга узнавания. Там было сказано правильно. И такого немало. Но его как-то вот… Поэтому метафору, которая… Ну ДНК — это совсем противно, а вот «культурный код» — метафору эту обсуждать надо. Она важная! Она очень важная. И очень хотелось бы достигать вот не как люди, не еженедельно, не всегда, в столетие раза два, но достигать этого восторга узнавания. Чтобы, поговорив о том, какова наша ДНК, каков наш культурный код…

А.С. Кончаловский

На улицу выйдите и узнаете сразу.

А.Н. Привалов

«Превозмогая обожанье, я наблюдал, боготворя»? [Б. Пастернак. «На ранних поездах»] Нет, не так. Интеллектуального узнавания. И я очень надеюсь, что нам это, в частности сегодня, будет хотя бы время от времени удаваться.

Итак, у нас сегодня двое выступающих с начальными докладами. Первое слово я предоставляю человеку, которого могу не представлять: Андрей Сергеевич Кончаловский. Прошу вас!

А.С. Кончаловский

Спасибо. Я должен сказать, что вообще меня сюда на верёвках вытащила Наталья [Наталия Румянцева, директор Никитского клуба]. Говорю, меня на верёвке тащили сюда, потому что, во-первых, я не учёный муж и не исследователь. И не преподаватель вообще. Александру Александровичу благодаря…

А.А. Аузан

Ну, почётный профессор МГУ!

А.С. Кончаловский

Да, благодаря Аузану, по блату я получил почётного профессора.

А.А. Аузан

Сейчас у вас с нами курс всё-таки, Андрей Сергеевич.

А.С. Кончаловский

Да, поэтому, конечно, выступать я вообще немножко разучился. Но поскольку я на эту тему, наверное, около 11 лет размышлял и написал несколько статей, никому не нужных, то я решил просто повторить те тезисы, которые меня занимали как размышляющего человека. Повторить их, потому что тогда я написал статью «Культурный геном». Почему «геном»? Потому что есть элементарные составные части некоего целого, которые на каком-то уровне, я бы сказал, подвергаются редактированию. Вот культурный геном русского человека подвергался редактированию очень такими

грубыми средствами, с моей точки зрения. И это была не редакция, но попытка раздавить или домыслить.

Вот я думаю, что понятия «человек и закон» не существует. Существует «русский человек и закон», «немецкий человек и закон», «китайский человек и закон» и т.д. — и везде отношение к закону будет абсолютно разное. И специфика русского культурного кода, если хотите, код и отмычка, — не раскрыта. Я очень рад, я не знал, что возникают такие понятия, как «ДНК русской культуры». Слава богу! Но ещё надо эту ДНК размотать — какая же она из себя? Каковы составные части русского культурного кода? Составные части, о которых я говорю, безусловно, скрыты. И я надеюсь, что, может быть, у Никитского клуба есть какая-то практическая тенденция делать какие-то рекомендации в результате размышлений, в частности и о том, что такое редактирование русского кода и из чего он состоит.

А.Н. Привалов, А.С. Кончаловский, А.А. Аузан

Во-первых, когда мы говорим «культурный», ещё надо понять, что такое культура. Потому что вилку держать в какой-то руке, не сморкаться в рукав — это тоже называется культурой. Но эта культура как комплекс ценностей, индивидуальных ценностей, которые движут поведением человека или общества от утра до вечера и через ночь. Вот человек встаёт, тапочки надел, высморкался, пошёл на работу и так далее. Это поведенческое. Анализ поведения может привести к какому-то пониманию, что такое ценности русского человека, и есть несколько каких-то составных частей этого кода.

Конечно, все лучшие мысли мои пришли от других, естественно. Я просто их в букетик собрал. В связи с этим меня очень привлекла работа академика Милова[4]

[4] Леонид Васильевич Милов (1929 – 2007) — советский и российский историк, академик РАН, профессор исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; член Международного клиометрического общества».

«Великорусский пахарь и особенности исторического процесса». Исключительная работа по своей глубине, анализирующая, я бы сказал, генезис русского крестьянина.

Милов занимался клиометрией[5], грубо говоря, оформлял какие-то количественные показатели и осознавал их в виде выводов социально-экономического характера. При анализе русского общества (чудные главы, все называются какими-то пословицами!) он рассматривает жизнь русского крестьянина-хлебопашца. У него есть основополагающая мысль, я хочу прочесть цитату, не перевирая её:

> «В Восточной Европе на протяжении тысячелетий совокупность… необходимых потребностей индивида была существенно больше, чем на Западе Европы, а условия для их удовлетворения гораздо хуже… Это объективная закономерность, отменить которую человечество пока не в силах. Именно это обстоятельство объясняет выдающуюся роль государства в истории нашего социума как традиционного создателя и гаранта "всеобщих условий производства"».

То есть совокупность минимальных потребностей, необходимых для выживания, намного выше, чем на Западе, а условия удовлетворения этих потребностей намного меньше, чем на Западе. Отсюда вырастает невероятная выносливость и неприхотливость русского человека. Я вот говорю: выключить электричество. Я снимал в деревнях, в Архангельске снимал «Почтальона»[6]. Электричество выключали почти каждый день на 5 часов, на 6 часов. И ничего, нормально, ждут. Включили — всё, жизнь продолжается. Вы выключите электричество в Нью-Йорке или где-то ещё — государство рухнет.

Милов анализирует русского землепашца. Понимаете, вся пахотная жизнь и страда умещается в 5 месяцев. И 7 месяцев человек просто ждёт, когда можно будет опять вспахать. На Западе же коровка пашет почти круглый год, а в Англии — пасётся. Милов пишет: «Описанная ситуация сказывалась на всем укладе жизни великорусского пахаря, охарактеризовать который в сжатом виде можно как "мобилизационно-кризисный режим выживаемости общества с минимальным объёмом совокупного прибавочного продукта"».

Нерусскому человеку трудно всё это понять. Эти условия жизни не были исключительными для русского крестьянина. Я говорю: мы живём под санкциями Бога, у нас санкции 1000 лет, что там эти — ничего! Энгельгардт в своей замечательной книге «Письма из деревни» пишет, как детей «пускают в кусочки». Весной, когда голод, еды нет, детям дают торбы и отправляют по деревням. И кто-то обязательно поделится, от своего куска отломит. Так они собирают эти кусочки и возвращаются домой; размоченный кусочек ещё и ребёнку совали в рот вместо молока.

Милов очень убедительно и интересно пишет о том, какой была компенсация этого чрезвычайного дефицита. Он делает интересный вывод, что компенсацией для выживания тогда было: первое — община и второе — крепостное право. Объём совокупного прибавочного продукта был очень низок в государстве. Государство было бедное, оно всё время говорило: «сам три, сам три». То есть жизнь всё время

---

[5] Клиометрия (*англ.* Cliometrics) представляет собой систематическое применение математических методов в исторических исследованиях. Клиометрика — междисциплинарное направление, связанное с применением экономической теории и эконометрических методов и моделей в исследованиях по экономической истории.

[6] Кинофильм «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» (2014).

на минимуме. Община же существовала для того, чтобы выжить. Потому что одна семья не могла за время страды справиться с хозяйством, надо было всё делать миром. Отсюда община, которая существует почти сейчас ещё. Мы должны просто понимать, в каких условиях русская культура рождалась и в каких условиях она до сих пор существует.

Второй источник, который меня очень вдохновил, — аргентинский социолог Грондона [Мариано Грондона (р.1932), юрист, социолог, политолог, публицист], который, исследуя аргентинское крестьянство, создал так называемую типологию Грондоны — системы приоритетов, по которой живёт человек той или иной культуры. Что такое крестьянин в отличие от фермера? Когда я в Высшей школе экономики сказал, что Россия — крестьянская страна, меня высмеял Ясин [Евгений Григорьевич, почётный научный руководитель НИУ ВШЭ], высмеял и сказал: «Андрей Сергеевич, 60% населения живёт в городах». Я говорю: «А в городах живут буржуа, что ли? Крестьянская этика сохраняется не только среди тех, кто работает на земле, её придерживаются и те, кто работает на заводах, в банках, и даже в Кремле!» Можно забыть своих крестьянских пращуров, но исповедовать те же самые ценности — хотя бы принцип доверия только самым близким, желательно родственникам. Везде — крестьяне. Я сказал это даже в Думе. Мне букет подарили.

Вот в крестьянской типологии у Грондоны есть несколько основополагающих элементов, которые чрезвычайно, на мой взгляд, важны, потому что они дают определённый ключ к пониманию того, что можно назвать геномом, или ДНК, или культурным кодом. У крестьянина, прежде всего, очень узкий уровень доверия. Крестьянин доверяет, — ну оглянитесь вокруг себя, всем же известно: крестьянин доверяет только своей семье. За пределами семьи, через забор, — уже либо равнодушие, либо враждебность.

Либо тогда миром, но это не доверие, это достаточно насильственная вещь, потому что земли личной нет, она вся общественная. Это значит, у меня нет земли, я не собственник. У русского человека (крестьянина) никогда не было собственности: я не могу ничего продать, потому что это не моя земля, а мира. Дальше: я не могу ничего прибавить, потому что земля только перераспределялась. Она не нарабатывается, как деньги. Поэтому представление о капитале у крестьянина такое: перераспределение — отнять и разделить.

Приработка быть не может, потому что земля, цитирую Грондону, «является мерилом богатства». Поэтому круг доверия — низкий, в узких пределах семьи. А чем уже круг доверия, тем ниже скорость доверия. Низкий уровень доверия замедляет любые коммуникации, отношения. Банк не верит вкладчику, вкладчик не верит банку и так далее. Возникает масса понятий, понятийных отношений, которые преодолевают это недоверие. Но не по закону, поэтому — узкий круг. Отношение к капиталу, как к тому, что перераспределяется, а не нарабатывается. Этический код отношения к труду как к тяжёлой обязанности, а не вдохновляющему фактору. Использование служебного положения в личном обогащении. Все, кто в Латинской Америке — начальство, почему-то становится богатым. И так далее, типологию Грондоны можно найти в Интернете, как и всё на свете.

И когда я прочитал эту типологию Грондоны, которая является анализом аргентинской системы ценностей, всё просто наложилось один к одному. Этот комплекс,

грубо говоря, эта типология, абсолютно совпадает с тем, как можно определить русское сознание. Вот русское — по-моему, это у Бунина: русский человек посмотрит узким глазком на другого, тот ответит, и никаких слов не нужно. Поэтому эта этическая система до сих пор очень устойчива. И было бы глупо с этой точки зрения не проанализировать, в том числе и русскую школу, и русское образование, для того чтобы понять, кого надо воспитывать. Отсутствие анонимности у крестьянина очень глубокое. Всегда в деревне все знают, «кто блядь, кто тать». И вообще всё известно друг про друга. Как только крестьянин попадает в анонимную систему, в город, у него сразу начинает срабатывать, как и что тут можно сделать, потому что никто его не знает. В этом есть какая-то определённая архаика, свойственная детям, которые могут писать мимо унитаза. Дома не могут, потому что мама даст подзатыльник, а в общественном туалете… Что вы на меня так смотрите, Александр Александрович?

А.А. Аузан

С интересом, Андрей Сергеевич.

А.С. Кончаловский

А в общественном туалете можно, потому что никто не видит. И вот эта система ценностей, конечно, сформирована под влиянием тяжелейших климатических и пространственных условий, в которых русская нация вырастала. И я не могу до конца согласиться с тем, что есть «низкий» уровень или «высокий». Дело в том, что, на мой взгляд, до Петра редкие поползновения были пить вино. Все пили брагу. И пели русские песни. И русский боярин был как русский крестьянин, они друг друга понимали. Другой вопрос, что боярин там был кровосос, но они были как одно и то же. Но после Петра, поскольку западный образ жизни, который был по-русски установлен здесь, стоил в три раза дороже, всё это только легло на народ. И, естественно, любая ткань, и эти куртины[7], и балконы, и «Евгений Онегин» — всё это уже стоило очень дорого в основном для русского крестьянина.

Разделение началось, когда русский дворянин стал пить французское вино и петь французские романсы. Как говорил Гершензон[8], «Пётр накрыл Россию тонким плащом цивилизации». И тогда возник «белый» народ и «чёрный» народ. До этого момента Малюта Скуратов, простите меня, вполне понимал свою жертву даже, потому что жертва могла стать таким же жестоким по отношению к Малюте. Поэтому есть прекрасная пословица: «В ухо Якова, в ноги Сидору»[9]. Это другая часть, на мой взгляд, русской культуры, русского мышления, которая связана, безусловно, помимо климата и географии, с тем, что дополировало русский геном, — религия. Она как бы довела до конца, усовершенствовала представление русского человека о жизни.

И здесь мы касаемся, я бы сказал, того, что называется «метод мышления». Если есть ценности, которыми руководствуемся. Какой-то американский социолог или антрополог в Афганистане собрал каких-то старейшин и спросил: «А есть ли

---

[7] Куртина (в лесоводстве) — группа деревьев или кустарников одной породы в смешанном лесу или групп лучших деревьев; «групповой портрет» из садовых растений одного или нескольких видов.

[8] Михаил Осипович Гершензон (Мейлих Иосифович Гершензон; 1869–1925) — русский мыслитель, историк культуры, публицист, переводчик.

[9] «Новый барин народился, старого долой!.. В ухо Якова, в ноги Сидору». И.С. Тургенев. «Дым».

коррупция в Афганистане?» Они говорят: «Есть! Есть коррупция!» — «А как вы понимаете коррупцию?» — «Человек вошёл во власть и не делится с другими». То есть с семьёй. Очень ясное, понятное представление о том, как должно быть. И это очень существенно.

К этому нельзя относиться снисходительно. Если мы говорим о русофобии — сейчас все говорят о русофобии, — но где источники русофобии? У Гершензона есть замечательная книга о Печёрине[10] (кстати, с него написан «Герой нашего времени»). «Как сладостно отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтожения!»[11] Герой! Я уже не говорю о Чаадаеве. Я говорю, с одной стороны, источники русофобии внутри нашего общества возникли тогда, когда мы захотели жить как в Швейцарии. Как немцы и так далее. Татарин Тургенев любил Францию.

Источник русофобии, конечно, лежит ещё и в том, как говорил один английский журналист — я помню его статью, он жил в Москве и говорил: проблема в том, что русские белые, были бы они в крапинку, в полоску или какие-то зелёные, мы бы не ошибались, но они белые, а ведут себя абсолютно не как белые люди. Для них белые люди — понятие других ценностей. А русский человек — самое известное английское выражение «крейзи Раша» — про сумасшедшего. Для него поведение русского, безусловно, иррационально, потому что абсолютно другая система ценностей! Но и она возникла, говоря о мышлении, от метода мышления. Вот Ключевский написал изумительные слова:

> «Вместе с великими благами, какие принесло нам византийское влияние, мы вынесли из него и один большой недостаток. Источником этого недостатка было одно — излишество самого влияния. Целые века греческие, а за ними и русские пастыри и книги приучали нас веровать, во все веровать и всему веровать. Это было очень хорошо, потому что в том возрасте, какой мы переживали в те века, вера — единственная сила, которая могла создать сносное нравственное общежитие. Но не хорошо было то, что при этом нам запрещали размышлять, — и это было нехорошо больше всего потому, что мы тогда и без того не имели охоты к этому занятию. Нам указывали на соблазны мысли прежде, чем она стала соблазнять нас, предостерегали от злоупотребления ею, когда мы ещё не знали, как следует употреблять её. Греки поступали точь-в-точь, как сказочный индийский царь с своим богобоязненным сыном, которому он для сбережения его целомудрия с детства внушал, что черти — это девицы, и который, увидев девиц, сказал чересчур осторожному папаше напрямки, что черти понравились ему больше ангелов. Когда нас предостерегают от злоупотребления тем, чего мы ещё правильно употреблять не умеем, всегда можно опасаться того, что при встрече с опасным предметом мы прямо начнём злоупотреблением. Так случилось и с нами. Нам твердили: веруй, но не

---

[10] Печёрин Владимир Сергеевич (1807–1885) — поэт, мемуарист, религиозный мыслитель, профессор Московского университета, католический священник, западник, один из первых русских диссидентов и невозвращенцев.

[11] «Как сладостно отчизну ненавидеть // И жадно ждать ее уничтоженья, // И в разрушении отчизны видеть// Всемирного денницу возрожденья!» — эти «безумные строки», ставшие впоследствии печально знаменитыми, Печёрин, по его собственному признанию, написал в Берлине «в припадке байронизма».
[h]ttp://www.hrono.ru/biograf/bio_p/pecherinvs.php

умствуй. Мы стали бояться мысли, как греха, пытливого разума, как соблазнителя, раньше чем умели мыслить, чем пробудилась у нас пытливость. Потому, когда мы встретились с чужой мыслью, мы её принимали на веру. Вышло, что научные истины мы превращали в догматы, научные авторитеты становились для нас фетишами, храм наук сделался для нас капищем научных суеверий и предрассудков. Мы вольнодумничали по-старообрядчески, вольтерьянствовали по-аввакумовски. Как старообрядцы из-за церковного обряда разорвали с церковью, так мы из-за непонятного научного тезиса готовы были разрывать с наукой. Менялось содержание мысли, но метод мышления оставался прежний. Под византийским влиянием мы были холопы чужой веры, под западноевропейским стали холопами чужой мысли. (Мысль без морали — недомыслие; мораль без мысли — фанатизм.)»

[В.О. Ключевский. Верование и мышление.]

Изумительно глубокая мысль, которая подводит нас к тому выводу, что с принятием христианства и необходимым переводом Писания на церковнославянский, на славянский язык мы были отрезаны от греческой философии и диалектики, от иудейской схоластики и от римского латинского права. Это три главных слона, на которых держится европейская цивилизация. И если мы возьмём византийских богословов — все они говорили по-гречески, они могли вести диспуты. Византия была местом диспутов на рынках, я уже не говорю про университет, я уже не говорю про учения Платона, Платина, Аристотеля и так далее. Мы лишились этого, это было отрезано от нас.

И, конечно, один из самых прекрасных примеров — это жизнь богослова Максима Грека[12]. Василий III попросил Константинопольского Патриарха прислать ему учёного мужа для перевода духовных книг из княжеской библиотеки с греческого на церковно-славянский. Патриарх прислал Максима Грека. Грек не знал ни книжного церковно-славянского, ни разговорного русского языков. Он сначала переводил с греческого на латынь, а с латыни на славянский переводили уже другие. За это время он выучил церковнославянский, и его попросили заняться богослужебными книгами. Он прочитал их, говорит: «У вас чёрт-те что здесь написано! вы тут всё наврали, неправильно перевели!» Его тут обвинили в ереси — и в темницу! В неволе он провёл 20 лет. Только уже при Иване Грозном его перевели в Троице-Сергиев монастырь, где через несколько лет он и окончил свою жизнь. Максим Грек, который пытался как раз соединить европейскую мысль с русским догматизмом.

Вот говоря про метод, и если рассматривать, что мы должны, чем можем помочь политической воле, — это проанализировать хотя бы основополагающие элементы, из которых состоит русская ментальность. Я думаю, что Культурный фронт в принципе должен быть такой ширмой для цензуры: чтобы цензуры не было, а Культурный фронт что-нибудь посоветует, и мы это запретим. Я так полагаю, ну, такой зонтик, это в результате произойдёт.

Но, конечно, нужно научное сообщество каких-то людей, для того чтобы внимательно разобраться в составных частях, с одной стороны, в типологии русского

---

[12] Максим Грек (1470, Арта, Греция — 1556, Троице-Сергиев монастырь) — писатель, богослов, переводчик, филолог. Канонизирован Русской церковью в лике преподобных.

крестьянина, связанной с системой ценностей. Понимаете, «у соседа корова умерла — пустячок, а приятно» — это же не Данте написал, да? С другой стороны, чтобы понять метод мышления русского человека. Поскольку русский человек лишён был диалектики и догматичен, он бинарный, он решает вопросы по-манихейски. Бесконечное возвратно поступательное движение.

Я думаю, что вот эта бинарность мышления очень важна. У нас нет нейтральной аксиологической зоны, то есть того примиренческого начала… Недаром качество русского героя — это принципиальность. Принципиальность! И, конечно, что возникает? Партийность. Как Лесков сказал: принцип русского либерала — если ты не с нами, то ты подлец. Ещё точнее, чем большевики. Вот это «если ты не с нами, ты подлец» видно каждую секунду в России, особенно среди русской интеллигенции. Просто вот «это наше, это не наше» — бесконечно! Об этом в «Вехах» очень хорошо писали разумные люди. Поэтому мне кажется, что бинарность русского мышления нельзя изменить просто так. Это надо воспитывать так же, как воспитывать то, что называется, грубо говоря, «объективацией самосознания».

Хочу ещё привлечь ваше внимание к очень интересной работе филолога-русиста Живова[13] «Русский грех и русское спасение», где он анализирует (вот опять бинарность сознания) с религиозной точки зрения поведение русского человека. И он пишет о том, что недаром на Западе возникло представление о чистилище. Потому что чистилище — это серьёзная вещь. Чистилище там, где размышляют, куда послать человека — наверх или вниз. Чистилище — это оценка. Мало того, чистилище — это и самооценка. Поэтому Живов пишет о том, что чрезвычайно важная составляющая мышления европейского — институализация исповеди, обязательная регулярная исповедь. В церквях стояли эти будки, исповедальни, куда надо было каждую неделю приходить и рассказать о своих грехах. А что такое рассказать о своих грехах? Это оценка себя самого. Это как раз и есть субъективация того, как ты себя ведёшь, и попытка оценить себя с другой стороны. Единственно, кто применил это у нас, — Макаренко, когда он говорил беспризорникам: встань перед всем миром и поставь себе оценку.

С этой точки зрения, при всём негативном отношении к индульгенции, которая потом породила роскошь и все прелести двора Ватиканского и возмущение индульгенцией Лютера, — тот, кто покупал грехи, он же должен был мозолями это сделать. Он должен был трудиться в поте лица, для того чтобы эти две монеты отдать за отпущение грехов! То есть эквивалентом искупления был труд, а «не пойди помолись, поклонись 100 раз, и всё будет нормально». И у Живова очень интересно написано о разнице в сознании. Я не помню, он там с путешественником спорил, с каким-то монахом, и монах говорит: «Знаете, странно, русские гораздо меньше боятся ада, чем мы чистилища». Как говорил Распутин: «Греши, матушка, греши! Не согрешишь — не покаешься, не покаешься — не простит Господь». Поэтому эта замечательная философия, упоение ею, до сих пор существует.

Поскольку я не умею лекции читать, я хаотично говорю о тех элементах, которые, на мой взгляд, являются составными частями русского ДНК. Как и у марксизма, я

---

[13] Виктор Маркович Живов (1945, Москва — 2013, Беркли) — российский филолог, специалист в области истории русского языка, литературы и культуры.

думаю, у русского ДНК тоже есть составные части. И, на мой взгляд, до тех пор (опять это замечательное выражение: «до тех пор») — до тех пор, пока у нас не будет той программы, которая в школе воспитает первое поколение учителей и родителей. Учителей и родителей! Это самое, на мой взгляд, существенное. И в этом я считаю главным то, что называется анонимная индивидуальная ответственность. Анонимная индивидуальная ответственность — это когда человек знает, что он анонимен, и тем не менее не грешит. На мой взгляд, это должно начаться с отсутствия уборщиц в туалетах в школе.

А.Н. Привалов
Это проще всего.

А.С. Кончаловский
Мне кажется, что индивидуальная анонимная ответственность, на мой взгляд, самая важная. Почему у нас может быть грязный туалет и «Протон» летает? А «Протон» летает, потому что это не анонимно. Всё, я закончил.

А.Н. Привалов
Тоже не всегда летает. Спасибо, Андрей Сергеевич. Вопросы вам сейчас зададим?

А.С. Кончаловский
Как хотите, я посижу. Александра Александровича послушаю.

А.Н. Привалов
Тогда, поскольку у нас Андрей Сергеевич должен будет уехать на съёмки, давайте мы немножко поменяем наш стандартный порядок. И не общие вопросы к обоим докладчикам в конце, а прямо сейчас вопросы к Андрею Сергеевичу.

М.И. Москвин-Тарханов, В.Л. Тамбовцев (слева)

М.И. Москвин-Тарханов, *ГБОУ «Пушкинский лицей»*

Можно? Я смотрел ваш фильм про почтальона, деревню. Там мальчика везут на космодром в Плесецк, и он видит эту невероятную фантастику! Вот у меня было ощущение, что этот мальчик, один раз уйдя из этого патриархального мирка, никогда туда не вернётся. У нас сейчас города состоят из невернувшихся. Из тех, кто ушёл, отрицая и складывая совершенно новый культурный код.

Мне кажется, то, о чём вы говорили, — это культурный код прошлого, это уходящая Россия. А вот как нащупать культурный код крупного города Москвы, Новосибирска и так далее, уже где поколениями сложилось что-то другое? Вот такой вопрос.

А.С. Кончаловский

Когда вы говорите: «что-то другое», вы, очевидно, имеете в виду что-то другое?

М.И. Москвин-Тарханов

Да.

А.С. Кончаловский

А что вы имеете в виду? А мне кажется, что ничего не изменилось. Осталась та же типология. Семья — самое важное. Конечно, к соседям можно постучаться и попросить соли или 3 рубля. Попробуйте во Франции постучать соседу в Париже и сказать: у вас соли нету? Он подумает, что вы просто с ума сошли. Нет, на мой взгляд, ничего не изменилось. Те же ценности! Мы живём по понятиям, государство наш враг, мы стараемся не платить налоги и сидим на диване и ругаем правительство.

Я считаю, что все основные ценности абсолютно те же самые. И неважно, где человек живёт. Важно другое: капитал в России не является гарантией политической свободы. А это чисто крестьянское понятие. Недаром есть знаменитая фраза, что самый большой враг крестьянина — это не помещик, а богатый крестьянин. Недавний раб, говорил Горький, становится самым безжалостным деспотом, как только получает хоть небольшую власть. Это естественно.

Тут я даже считаю, что весь Гоголь только об этом. «Ревизор» целиком об этом. Об отношении между купцами и городничим. Это сегодняшняя жизнь, ничего не изменилось. Человек, который ездит на «мерседесе» и ходит в дорогие рестораны в Москве, он со своей женой обращается точно так же, как и русский человек VIII века. Абсолютно то же самое, на мой взгляд. И потом — вертикаль! У нас отношения — по вертикали. Либо снизу вверх, либо сверху вниз. У нас по горизонтали ничего не может быть, на мой взгляд. И неважно, где ты живёшь. Мало того, я считаю, что у человека, который не вернётся, — согласен, он поедет в город, там лифт, ещё какие-то вещи, — но ценности у него будут те же самые, что у Алёши Тряпицына, который поехал в город, затосковал по своей деревне и по шлёпанцам и вернулся обратно в свою избу.

Мне кажется, тут дело не в месте жительства, а в месте существования как бы в системе. Поэтому мне с вами трудно согласиться. Он может не вернуться, но он будет жить по понятиям.

А.Н. Привалов
У кого ещё вопросы? Прошу вас.

В.Е. Дементьев, *руководитель научного направления «Макроэкономика и институциональная теория» ЦЭМИ РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН*
Андрей Сергеевич! Я экономист из экономического института. И, прочитав ваши статьи и интервью, убедился, что действительно культурный код лучше познаётся в сравнении. В этой связи я бы хотел услышать ваш комментарий к следующим обстоятельствам.

В.Е. Дементьев

Первое — по поводу анонимной ответственности. Группа исследователей, обращаю ваше внимание, из США и Европы, провела такой эксперимент. Они в разных городах разных стран оставляли кошельки. Часть с деньгами, часть пустые, но с адресом владельца этих кошельков. И по тому, какой процент кошельков вернулся, они составили рейтинг честности. Сами понимаете, тут ответственность была анонимной. В этом рейтинге мы оказались выше, чем англосаксонские страны, такие как США и Великобритания. А конфуцианство китайцам не помешало замкнуть этот рейтинг, поскольку почти все кошельки они оставили себе.

Второе обстоятельство. Что касается доверия в деловых отношениях — это уверенность в том, что партнёр по деловым отношениям не будет искать лазеек для того, чтобы не выполнить или недобросовестно выполнить контракт. Известно, что контракты в США гораздо более пухлые, чем в Японии. Израиль возглавляет мировой рейтинг стран по количеству юристов на душу населения. В спину им дышит США, а Япония где-то гораздо более скромное место занимает.

И, наконец, последнее. Бытует мнение, по крайней мере в Интернете, что скандинавы более склонны к конформизму по сравнению с другими европейцами. И в таких условиях можно ожидать, что при опросе они будут отвечать так, как надо, в отличие,

думаю, от наших с вами сограждан, которые, скорее всего, ещё вреднее ответят, чем есть на самом деле. Спасибо за комментарий.

А.С. Кончаловский
Нет комментариев. Я могу быть абсолютно неправ.

А.Н. Привалов
Универсальный ответ на любой вопрос.

А.С. Кончаловский
Да, я могу быть абсолютно неправ, потому что было бы смешно, если бы я стал или защищать свою точку зрения, или оппонировать вам. Всё возможно. И такое тоже возможно — и англичане, и особенно американцы, ЦРУ, любят очень предсказывать восстания, голодные бунты в России уже какой раз, и всё как-то не получается. Всё мечтают снять Путина путём Болотной площади или голода. И как-то вот не получается и всё! Потому что всё время оценивают с позиции своего этического кода. Это единственное, что я могу сказать. Они вряд ли понимают Россию.

Да мы сами вряд ли понимаем всю Россию, я бы даже больше сказал. В принципе, мы не очень хорошо понимаем диагноз. Потому что, если бы мы понимали Россию, то были бы совсем другого рода реформы, предположим. Или были другого рода поступки. Хотя, конечно, интуиция у Путина феноменальна. Просто феноменальна! Но вот с точки зрения того, что собой представляет русский культурный код, то, конечно, вряд ли у нас есть диагноз.

Понимаете, говорят, что мы отстали. Часто европейцы так считают. И я думаю, да, мы отстали... Какое счастье, что мы отстали! Это Олдос Хаксли, по-моему, сказал, что «Запад едет к пропасти на "роллс-ройсе", а русские — в трамвае». Так у нас ещё и трамвай остановился. И слава Богу! Вот вы [А.Н. Привалову] правильно говорите: что такое ценности — не понятно. Скорее всего, мы до сих пор не понимаем, что такое национальная идея. Это ещё более глупая была мысль: а давайте и национальную идею выработаем.

А.Н. Привалов
Придумаем.

А.С. Кончаловский
Да, придумаем. Я не могу вам ничего ответить на этот вопрос, я беспомощен!

А.Н. Привалов
Вы блестяще ответили. Владимир Владимирович, прошу вас.

В.В. Бортко, *режиссёр, сценарист, народный артист России*
У меня вопрос пока один. Сказать можно было очень много, я надеюсь ещё сказать что-нибудь, но сейчас простой вопрос: где живёт русский крестьянин?

А.С. Кончаловский
Да вот здесь сейчас. Вот все крестьяне. И вы крестьянин.

В.В. Бортко
Ну, наверное, конечно, так.

А.С. Кончаловский
Везде же! Другой вопрос…

В.В. Бортко
Одно дело — Архангельск, другое дело — казаки, которые живут на юге. Одно дело — Сибирь, другое дело — почти здесь же в городах.

А.С. Кончаловский
Конечно!

В.В. Бортко
Разные люди — разный менталитет. Абсолютно разные!

А.С. Кончаловский
Абсолютно разные, потому что…

В.В. Бортко
Так где же живёт русский крестьянин, который там что-то читает и что-то там так думает?

А.С. Кончаловский
Не понял.

В.В. Бортко
Где?

А.С. Кончаловский
Если вы меня спрашиваете, я говорю: русский крестьянин живёт и здесь, и вокруг, и на улице, и на юге. Но не будем забывать, что казак имел хутор. Он не должен был работать миром. Он бежал от крепостного права. Но у него был хутор, ему не нужен был чёрный передел. Он уже становился фермером, потому что имел хутор и мог со своей семьёй зарабатывать.

В.В. Бортко
Он русский?

А.С. Кончаловский
Безусловно. По культуре.

В.В. Бортко
Пахал?

А.Н. Привалов
Владимир Владимирович, это полемика. Пока только вопросы.

А.С. Кончаловский
Я ответил.

А.Н. Привалов

Татьяна Владимировна, вы вопрос хотели задать. Прошу.

Т.В. Черниговская, *директор Института когнитивных исследований СПбГУ, доктор филологических наук и доктор биологических наук, член-корреспондент РАО*

Да, я для начала сказала бы вот что. Вот русский человек — это кто такой?

Потому что страна, в которой часть населения говорила по-французски, а другая часть населения говорила и думала совершенно другим образом, — чей культурный код мы, так сказать, вылавливаем? Может быть, нам нужно посмотреть, что говорили, писали Карамзин, Гоголь, Пушкин? Ну, самые умные из русских, но уже из тех, которые как бы и не вполне крестьяне, а верхушка европейской цивилизации. Это первое моё замечание.

Вопрос задаёт Т.В. Черниговская (дистанционно)

Второе. Гениальный Гоголь, которого я перечитываю через день, недавно наткнулась на такую чудесную вещь. Две кумушки разговаривают, и одна другой говорит следующий шедевр: «Вот все говорят, что у меня глаза не карие. Как же не карие, когда я всегда гадаю на себя как на трефовую даму?!» Аристотель падает замертво, потому что здесь перепутано вообще всё! Ведь она исходит не из реальных каких-то обстоятельств жизненных, а из такой вот вывернутой логики.

Вопрос: кого мы считаем русским человеком? И я имею в виду не то, что «поскобли русского — найдёшь татарина». Не буквальную вещь, а когда мы говорим о культурном коде, мы говорим о культурном коде Волконских? Кто эти люди? Это Карамзин, это Пушкин? Или это вот эти кумушки Гоголя?

А.С. Кончаловский

Вы знаете, если я буду отвечать на такие вопросы — это только показывать свою учёность. Карамзин сам был татарином. И, по-моему, это он говорил, что русским проще договориться с татарином, чем с поляком. Правильно говорил.

Т.В. Черниговская
Правильно.

А.С. Кончаловский
Потому что железный занавес лежал между греками и латинянами, а не между мурзами с исламом и русским православием. Что касается, кто из них русский? Конечно, есть разнообразие. Я ведь пытаюсь, грубо говоря, найти то, что называется идеей–гегемон. Что основополагающее? Конечно, если начать раскладывать, то у каждого ДНК есть ещё мутации, и поехали туда, сюда, где казаки… Естественно! Но мы же говорим о системе основополагающих ценностей, такой как ДНК. Дальше пошли разные варианты. Естественно, и общность языка, может быть, ну и разные ценности и так далее. Но мы же говорим о том, как попытаться изменить русский культурный код. Всё-таки Пушкин с царём общался, да?

Вот как Струве замечательно сказал по поводу, кто является русским интеллигентом и кто является интеллектуалом. На Западе нет интеллигенции, её там нет, есть интеллектуалы. А интеллигенция возникла там, где возникла так называемая чудовищная вина перед народом. И поэтому в среде интеллигенции, если ты ругаешь правительство — ты с нами, если нет, то ты подлец. Струве говорил, что интеллигенция истерична, а интеллектуал вдохновлён: «Ура, наш царь! Так выпьем за царя!»

А.Н. Привалов
Перед тем как выпить за царя, мы немножко закруживаемся с вопросами к Андрею Сергеевичу, поэтому ещё два вопроса и всё. Прошу, Рустам!

Р.Э. Рахматуллин, *эссеист, историк, москвовед*
Андрей Сергеевич, у меня редакционный вопрос. Вы сказали: «санкции Бога». Можно вынести эту фразу в мир со ссылкой на вас в редакции: «Божественные санкции»? Звучит гораздо лучше, с положительной коннотацией.

А.С. Кончаловский
Нет, это сами пишите. Я не могу…

А.А. Аузан
«Санкции Бога» лучше звучит.

Р.Э. Рахматуллин
«Санкции Бога» вынесут отсюда либералы, а консерваторы вынесли бы «Божественные санкции».

А.С. Кончаловский
Я не согласен. Это разные вещи. Так же как «Божественная комедия» — это не «Комедия Бога».

Р.Э. Рахматуллин
Разные коннотации, да. Теперь вопрос: правильно ли я вас услышал, что преодоление вертикально расслоённого общества осуществляется на путях окрестьянивания? Что общество в целом приобретает свойства крестьянские, которые, в свою

очередь, восходят к природным циклам — к характеру земли, хозяйствования и так далее? Но не одинаково ли верно, или даже более верно, что это единение происходит на путях одворянивания?

Р.Э. Рахматуллин

Например, к вашим предкам обращались по отчеству, по-моему, с XV века, а к предкам большинства присутствующих — с XIX или, скорее, с XX века. Фамилии сложились у большинства также в XIX, а скорее, в XX веке. Дача была усадьбой, данной за службу, а сейчас это бесчисленные маленькие усадьбы, народный тираж усадебного принципа. И, конечно, гонор как профанация дворянской чести. Каждый борется за честь. Вплоть до трамвайного хамства. Всеобщая воинская обязанность — также изначально дворянский признак. Словом, не кажется ли вам, что правомерно говорить об одворянивании общества? Во всяком случае не меньше, чем об окрестьянивании?

А.С. Кончаловский

Вы совершенно правы. Это слишком длинный ответ, для того чтобы мы начали полемизировать на эту тему. Просто длинный. Я заложил мину или высказал своё мнение по поводу того, какие основные составные части у того, что называется русский код. Он может быть другим, я могу ошибаться, но от этого моё убеждение не меняется. Я верю в истину, которую только сам себе представляю. Вы меня пока убедить не смогли. Никто из вас. Спасибо.

А.Н. Привалов

Лев Матвеевич, прошу вас!

Л.М. Зелёный, *научный руководитель ИККИ РАН, доктор физико-математических наук, академик РАН*

Андрей Сергеевич, вы сами произнесли слово «мутация». И действительно, геном невозможен без мутации. Эволюция невозможна без мутации. Мы до сих пор были бы в виде динозавров, если бы не было полезных мутаций. Вот эти, например, чудики

Шукшина, князь Мышкин в другом социальном слое — это ведь тоже какие-то мутации, по вашей теории. Полезные ли это мутации, что-то из них прорастёт, или это тупиковые мутации и они исчезнут в ходе эволюции? Вот эти странные люди, которые описаны в русской литературе.

Л.М. Зелёный

А.С. Кончаловский

Опять вы совершенно правы. Нет, чтобы не отстреливаться, потому что бессмысленно, я же не в королевском обществе, где Ньютон защищал свою парадигму. Мне кажется, что дело не в том, есть чудики или нет, они всегда есть в любой стране. И мало того, великий чудик Дон Кихот вообще написан был во времена жесточайшей инквизиции. Поэтому, как видно из мировой литературы, цензура ни в коем случае не мешает созданию шедевров. Свобода вообще в этом смысле не гарантирует возникновения каких-либо шедевров, а только даёт преодоление.

С этой точки зрения чудики есть, будут и должны быть. Но я же говорю не об этом. Я говорю о самом элементарном. Система Менделеева дальше не раскладывается, дальше пошли уже бозоны Хиггса. Но она же раскладывается на какие-то элементарные свойства. На этих элементарных свойствах я и пытался выкарабкаться только за счёт типологии Грондоны и Ключевского. Вообще, тут моих мыслей нету. Я просто ваше внимание привлёк к высказываниям других, более образованных людей, чем я, которые всю жизнь этому посвятили.

А.Н. Привалов

Сергей Викторович, прошу, задавайте свой вопрос.

С.В. Егерев, *главный научный сотрудник ИНИОН РАН, доктор физико-математических наук*

Андрей Сергеевич, спасибо за такое замечательное выступление. У меня вопрос про динамику возникновения и закрепления культурных кодов. В эти дни в Манеже

проходит резонансная выставка «Дом культуры СССР». Она вся в ностальгическом ключе пропитана советскими культурными кодами. Вопрос: как вы считаете, каковы шансы на то, что мы наши советские привычки понесём с собой дальше и, по-видимому, они будут становиться всё заметнее и заметнее? Очень там, на этой выставке, ностальгия чувствуется. Или мы отринем и через какое-то время забудем весь советский опыт?

С.В. Егерев

А.С. Кончаловский

Если вы спросите меня как мыслящего человека, я, во-первых, думаю, что советская система была выражением русского культурного кода, прежде всего стремлением к вертикальной власти, которую предрёк Плеханов Ленину, говоря, кстати, что русская история не смолола муки, из которой можно выпечь пирог социализма, с одной стороны. С другой стороны, Сталин сказал правильно, что Ленин недооценил русского мужика. Это тоже надо понимать. Как Сталин писал в 19-м или 20-м году, что когда немцы разбегаются от полиции на демонстрации, то они по газонам не бегут, они по дорожкам бегут. Никто по газону не побежит, что тоже выражение того самого кода.

На мой взгляд, некая советскость — это стремление, может быть, к такому первобытному социализму, который всегда существовал. «Мне на резине не надо, но и ты ходи на кожимите» — это ведь не советское, хотя это выражение советское. Это крестьянское: миром не высовываться. Это было понимание того, что называется справедливостью! Поэтому говорить о том, что надо забыть всю советскость, — да старайтесь забыть, не забудете. Никогда не забудете. Это часть русской истории. И истоки института русского большевизма никуда не исчезли.

А.Н. Привалов

Спасибо большое, Андрей Сергеевич. Возможно, в ходе обсуждения дальнейшего к вам ещё возникнут вопросы. А пока огромное вам спасибо и за сообщение, и за согласие с большинством вопрошавших.

Теперь я передаю слово второму нашему докладчику: декан экономического факультета Московского университета Александр Александрович Аузан.

А.А. Аузан

Спасибо. Уважаемые коллеги! Мы вообще с Андреем Сергеевичем и ещё с одним замечательным человеком, Шломо Вебером, выпускником мехмата и МГУ…

А.Н. Привалов

И Второй школы [Московская физико-математическая школа № 2 (в 1957–1992 гг.)].

А.А. Аузан

И Второй школы, да. С Андреем Сергеевичем и Шломо Вебером — выпускником мехмата и МГУ, математиком, экономистом, этнологом — мы в 2016 году прочли межфакультетский курс про культурный код нации. Притом это не означает, что у нас была солидарная позиция. Это означает, что у нас был солидарный интерес. Потому что нам всем, по-моему, вот этот диалог на 500-600 студентов с разных факультетов доставил большое удовольствие, потому что мы очень продвинулись в понимании.

Я хотел бы сделать два предварительных замечания, чтобы быть правильно понятым. Первое. Я, конечно, совсем в другом ключе построю изложение, притом что я в очень многом согласен с Андреем Сергеевичем. Кроме очень красивого суждения Андрея Сергеевича, которое было в названии его статьи: «Культура — это судьба». Потому что всё-таки, думаю, что культура меняется.

А.Н. Привалов

И судьба!

А.А. Аузан

И судьба вместе с ней тогда. А второй момент — я, с вашего позволения, разным темпом буду идти по разным темам. Потому что для этого собрания мне было бы более интересно высказать более рискованные и, я бы сказал, более новые соображения, чем те, которые идут вначале. Один мой давний товарищ, биолог, много лет тому назад сказал мне: «Саша, на наших могилах будет написано: “Они заблуждались искренне”». Вот то, что я буду излагать, — это мера моих нынешних искренних заблуждений.

Сначала очень коротко. Я хочу напомнить, что в течение последних 30 лет чрезвычайно развились исследования культуры (рис.1). В каком смысле культуры? Да, совершенно верно, как ценностей, разделяемых большими группами населения и медленно меняющихся во времени. Это более-менее единое определение, которое ходит среди экономистов и социологов, этнологов и так далее. И исследования эти разнообразны. Там есть качественные методы, по-моему, очень интересные исследования макрохарактеристик культуры — языка, религии. Причём исследования языка более успешны, потому что в этих исследованиях структурный анализ больше развит. Вот Шломо Вебер как раз очень продвинулся в этих вопросах. Хотя я буду говорить именно о макрохарактеристике религии.

Рис.1

Есть интересные кейсы. Скажем, подробно анализируется так называемый разорванный дизайн: Германии разделились, Германии соединились, Кореи разделились.

Очень интересные кейсы, связанные с эпидемиологическим методом исследования стран, куда приезжают, — как США, Израиль, — где образуются поколения (дети, внуки). А живут же соответствующие похожие на них в странах исхода. Такого рода исследования, конечно, количественные.

Я буду опираться в основном на количественные исследования, прежде всего World Values Survey — 30 лет, 7 волн, более 100 стран в каждой волне, — и на одну

из моделей культуры Гирта Хофстеды, замечательного голландца, который, к сожалению, как и основатель World Values Survey [Рональд Инглхардт], ушёл от нас два года тому назад во время ковида. Почему Хофстеды, а не Шалома Шварца, например, которого любят социологи? Я могу интерпретировать по модели Хофстеды как экономист, а по Шалому Шварцу — не могу и всё! Поэтому я бы сказал, для меня это просто операциональнее.

И теперь, если позволите, я сразу пойду на такой нахальный шаг. Вот на сегодня мне видится 4 — хотя их может быть 8, а может быть 2, а может быть 12 — зависимости, которые могут толковаться как законы или коды, связывающие культуру и экономику (рис. 2).

ГИПОТЕЗЫ О КУЛЬТУРНЫХ КОДАХ (ЗАКОНАХ)

1. Закон экономической успешности ***(Закон Р.Инглхарта)***

Существует устойчивая связь между ценностями и ВВП на душу населения, которая отражает спиралевидное взаимодействие культуры, экономики и политических отношений

**В отношении индивидуализма связь с экономическим ростом можно считать доказанн*
[Gorodnichenko, Roland, 20

2. Закон конкурентной специализации ***(Закон Г. Хофстеде)***

Культура может влиять на конкурентные преимущества нации (склонность к инновациям, предпринимательской деятельности, мобилизационным методам хозяйствования, темп роста и т.д.)

3. Закон воздействия доверия на экономику ***(Закон Я.Алгана и П.Каю)***

Существует причинно-следственная связь между доверием и ВВП на душу населения

4. Закон культурной трансформации (Закон В.М. Полтеровича)

Переход на высокие темпы роста (преодоление «эффекта колеи») может достигаться при изменении определенных социокультурных характеристик путем использования «промежуточных институтов»

3

Рис. 2

Сразу скажу, я не культурный детерминист, я не имею в виду, что в экономике всё определяется культурой. Я имею в виду только то, что в нынешних экономических моделях формула и коэффициенты, связанные с культурой, не проставлены. А должны быть проставлены, потому что они имеют свою степень влияния. И это я связал соответствующие зависимости с именами исследователей, в чьих работах, как мне кажется, эти зависимости прежде всего проявляются. Это Рональд Инглхарт, Гирт Хофстеда, Ян Алган и Пьер Каю и наш соотечественник Виктор Меерович Полтерович.

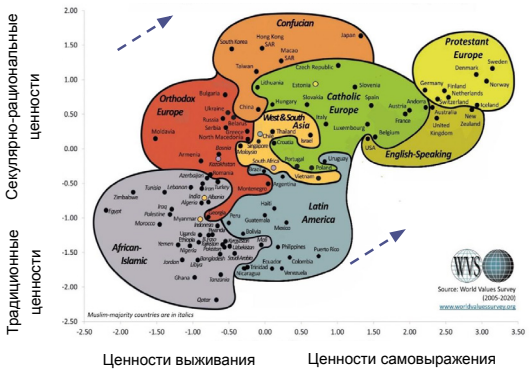
Закон №1. (Рис. 3.) Начнём с закона Инглхарта, или «закона экономической успешности» Почему закон экономической успешности? Как устроена эта карта? По ординате, вертикали, — ценности, те самые традиционные. И секулярно-иррациональные — но это в понимании Макса Вебера, фактически, я бы сказал, в отношении к религии. Если вы религию считаете частным делом, то это секулярные ценности, если делом государства, то это традиционные ценности, исключительно потому что 500 лет назад все считали, что религия — это дело государства.

Ценности выживания и самовыражения — это, по-моему, не требует комментариев. Многочисленные вопросы, агрегированные по сотне стран, позволили

построить вот такую карту. В этой карте, на мой взгляд, интересны два обстоятельства. Во-первых, в ней довольно отчётливо выделились не только нации, но цивилизации. То, что Хантингтон предположил в 1996 году в книге «Столкновение цивилизаций», что существуют семь–восемь цивилизаций, — за 30 лет исследований они стали, похоже, довольно сильно проявляться.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ УСПЕШНОСТЬ ЦИВИЛИЗАЦИЙ: КАРТА Р. ИНГЛАХАРТА

Всемирное исследование ценностей, 2020



Закон 1. Существует устойчивая связь между ценностями и **ВВП на душу населения**, которая отражает спиралевидное взаимодействие культуры, экономики и политических отношений

Источник: *World Value Survey (2020)*

4

Рис. 3

Я напомню, что, по Хантингтону, геоэкономическая, геополитическая конкуренция меняет форматы. Когда-то была конкуренция наций, государств и империй, потом систем социализма, капитализма. И вот — в форме конкуренции цивилизаций, хотя очень может быть, браво Хантингтону, потом примет какую-то другую форму. Мы, по-моему, довольно ярко видим сейчас проявления именно формата конкуренции цивилизаций.

Но второе интересное обстоятельство — северо-восточный угол этой карты. Там страны с самым высоким качеством жизни и валовым продуктом на душу населения. Устойчивые за 30 лет, за 7 волн выявляющиеся закономерности связи ценностных установок и экономических результатов! Уже есть много работ по этому поводу. Стрелки обозначают, что за годы, прошедшие с 1996-го, когда начали исследование, в целом мир движется вот туда — в северо-восточный угол. Всё же туда.

О России я буду много говорить потом, потому что по Хофстеде гораздо лучше, мне кажется, раскрываются особенности страны. А здесь она представлена, понятно, в православной Европе, она [Россия] находится чуть правее центра этой православной Европы.

Очень коротко пройдусь по дискуссиям о выделении цивилизаций. Там макрохарактеристики религии оказались очень важными (рис. 4). Поэтому дискуссии, затеянные ещё Максом Вебером вокруг протестантизма, практически до сих пор продолжаются с применением разных аргументов. Была выдвинута альтернативная гипотеза по тому же материалу, что дело не в ценности труда у протестантов, а в том, что они более образованны. Очень остроумное, кстати, исследование было сделано

по поводу расстояния от места проживания протестанта и католика до места нахождения печатного станка.

КАК СВЯЗАНЫ РЕЛИГИЯ И ЭКОНОМИКА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Макс Вебер, (1905), «Протестантская этика и дух капитализма»:

- Протестантизм утверждает ценность труда, поэтому протестантская этика ведёт к экономическому процветанию
- Альтернативная гипотеза: протестанты в Германии были более образованы
- Квазиэксперимент в Швейцарии утвердил значимость религиозных ценностных установок протестантов

Рис. 4

Но я не вижу, честно говоря, что эти предположения альтернативны — веберовское и то, что пытались доказать. Честно сказать, после первой сессии матанализа и линейной алгебры я каждый год отчисляю людей, которые ценность образования не соединяют с ценностью труда. Мне кажется, ценность образования всё-таки довольно тесно связана с ценностью труда. И последние исследования, скорее, подтверждают Вебера, к примеру очень красивый квазиэксперимент в Швейцарии. Там накопилось много материалов по референдумам среди католиков и протестантов по вопросам сокращения рабочего времени, налогового перераспределения. Вебер довольно чётко подтверждается.

Если не считать того, что за это время произошли довольно серьёзные сдвиги (рис. 5). Конфуцианство, которое в начале XX века использовалось как объяснение отсталости Китая, стало теперь объяснением его успешности. Правда, это несколько другое конфуцианство, показано, там отпал «мандаринский» вариант.

КАК УСТАНОВКИ РЕЛИГИЙ ОТРАЖАЮТСЯ НА ЭКОНОМИКЕ?

- Колоссальные экономические успехи Восточной Азии XX века объясняются внутренним изменением конфуцианства: исчезновением «мандаринского» его варианта
- Традиционный иудаизм затормозил экономическое развитие населения при переходе в Новое время и был реформирован
- Католическое экономическое чудо 90-х годов: после Второго Ватиканского Собора католичество даёт установки на более энергичное и результативное экономическое поведение
- Возможно ли православное, исламское, буддистское экономическое чудо?

Рис.5

Иудаизм вынужден был преобразоваться, между прочим, потому что иудеи, успешные на протяжении Античности и Средних веков, оказались чрезвычайно неуспешны в начале большого капитализма, пока не произошло некоторое столкновение религиозных реформ внутри иудаизма.

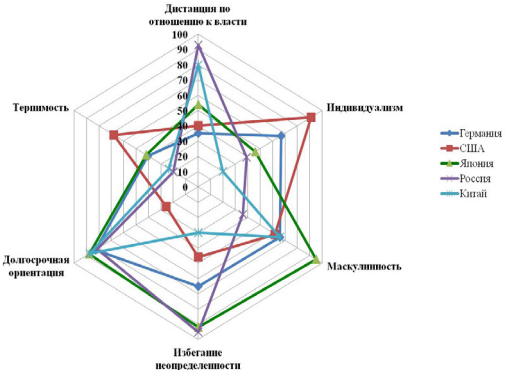
Католичество. Так называемое «католическое чудо» 90-х годов XX века, когда Польша, южные земли Германии и Ирландии сделали скачок. Хочу сказать, что тем не менее есть красивое объяснение этому чуду. Католики действительно очень продвинулись на карте Инглхарта, но с маленьким примечанием: это относится к тем католикам, которые принадлежат к западной христианской цивилизации. А к Латинской Америке, например, это не относится. Там такого не произошло. Хотя вроде бы речь идёт об утверждении ценности труда Вторым Ватиканским собором, потому что действительно труд перестал в социальной доктрине считаться проклятьем, посланным человеку за первородный грех.

Православное, исламское, буддистское «экономическое чудо». На мой взгляд, православное чудо в некотором варианте уже было. Это потрясающая экономика староверов, которая с Екатерины и до великих реформ Александра II, по существу, доминировала. Это тот самый крестьянско-купеческий капитализм, очень сильный. И эти феномены повторяются в эмиграции в Аргентине, в Турции.

Если говорить об исламе, ислам пока породил только свои институты — исламские банки. И это достаточно сильно и интересно. Не исключено, что это даст экономический результат.

По буддистам могу сказать только, что количественные исследования дают один изумительный результат. Буддисты — единственная конфессия, которая к не членам своей конфессии относится с тем же доверием, как к членам своей конфессии. Все остальные конфессии к своим всё-таки относятся лучше, чем к иным. А я хочу сказать, что доверие является очень сильным фактором. Я потом покажу на примере закона Алгана-Каю [французские экономисты Ян Алган, Пьер Каю], как работает доверие.

КОЛИЧЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ: МЕТОДИКА Г. ХОФСТЕДЕ



Закон 2. Культура может влиять на **конкурентные специализации нации** (склонность к инновациям, предпринимательской деятельности, мобилизационным методам хозяйствования, темп роста и т.д.).

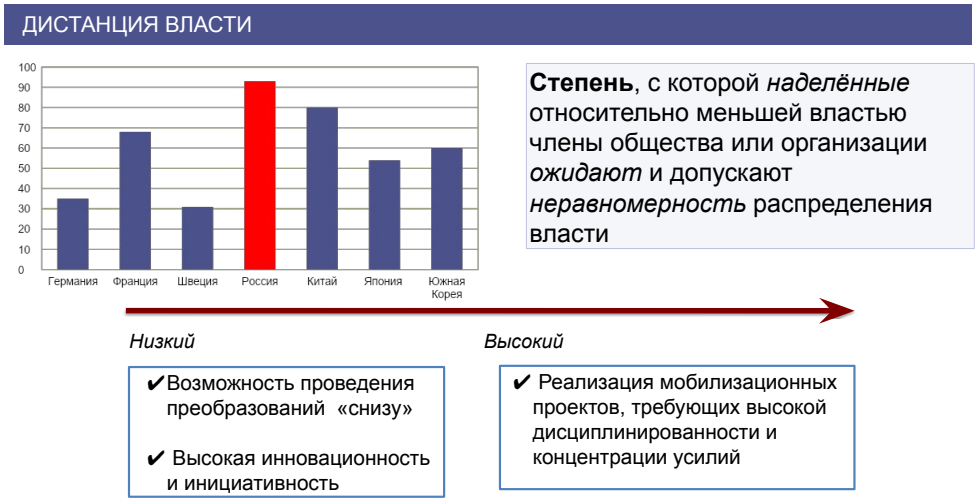
Рис. 6

Закон № 2. (Рис. 6.) Теперь ближе к России. На мой взгляд, модель Хофстеды, которая вот такими красками позволяет рисовать нации, — видите, насколько отличны по хофстедовской методике Германия, США, Япония, Россия, Китай? Вот эта перевёрнутая трапеция — это американцы.

И какие зависимости раскрыты? По каким-то характеристикам уже накопился материал, можно утверждать, можно видеть такие механизмы, как склонность к инновациям, предпринимательской деятельности, мобилизационным методам хозяйствования, зависимость темпов роста от некоторых характеристик. Вот по ним можно говорить о конкурентной специализации. О том, почему, например, — я часто это повторяю, — почему в России за XX век получились спутник, космический корабль, атомный реактор, гидротурбина и не получились конкурентоспособный телевизор, холодильник, автомобиль и персональный компьютер? Я бы сказал, что объяснение вот здесь, в этих способах исследований.

Теперь я быстро пройду по трём характеристикам из семи.

«Дистанция власти» (рис. 7). Россия по сравнению, как видите, и с восточными, и с западными соседями отличается большей дистанцией власти. То есть относится к власти в большей степени как к сакральному явлению «руками не трогать». Но по мировым исследованиям Россия не рекордсмен по дистанции власти. Рекордсменами являются Саудовская Аравия и Ирак. Что это означает? В принципе, низкие дистанции власти больше способствуют инновационности, но высокая дистанция власти создаёт больше вероятность успешных мобилизационных проектов. Нельзя сказать, что это работает только отрицательно.



Развитие цифровой экономики, уберизация могут приводить к снижению дистанции власти.

Рис. 7

«Коллективизм–индивидуализм». (рис. 8). Очень важные свойства. С точки зрения исследователей, центральные. Все остальные на них завязываются. И я потом выйду на положение Андрея Сергеевича про то, что со времени Петра в России всё-таки две страны. Да, наши количественные исследования по регионам показали, что две. Именно в связи с коллективизмом и индивидуализмом. Вот это среднее положение России — это обманное явление. Хотя оно довольно точно повторяет...

Андрей Сергеевич цитировал английского журналиста, а я процитирую английского писателя: Редьярд Киплинг сказал, что русские думают, что они самая восточная из западных наций, а меж тем они самая западная из восточных. Вот судя по этой характеристике, Киплинг совершенно прав. Мы чуть-чуть смещены в сторону коллективизма. То есть в сторону восточных наций и их признака. Но я буду доказывать потом, что это не так. Потому что это средняя температура по больнице, которая может за собой скрывать нашу внутреннюю смешанность либо нашу разделённость. Вот пятилетние количественные исследования по 17 регионам показали разделённость.

Рис. 8

Что имеется в виду под индивидуализмом, коллективизмом, тут сказано. Я, правда, предпочитаю определение индивидуализма по Даниилу Гранину. Он сказал великолепную фразу, я очень её люблю повторять: «Саша, в России можно сделать очень многое, если не спрашивать разрешения». Вот индивидуалист — это человек, который делает, не спрашивая разрешения. Коллективист спрашивает у авторитета, у семьи, у начальника. У него другое преимущество. Лотман сказал, что в России есть архетип «отдания себя». Вот такой инвестиции в общину, в дело, в идею, не знаю, в губернию, в страну. И то, и другое даёт результаты. Между прочим, даёт инновационные результаты. Только разные инновации. Индивидуализм даёт так называемые радикальные инновации, а коллективизм даёт так называемые инкрементные инновации [использование существующих технологий на существующем рынке]. Вот Япония — инновационная страна? Да. Я бы сказал по формуле: Япония может лучше всех сделать то, что уже сделано. Вот это инкрементная инновация. Да, это определённый путь специализации в мире.

«Избегание неопределённости» (рис. 9). А вот здесь Россия рекордсмен! У нас самое высокое в мире избегание неопределённости. На мой взгляд, это большая проблема, и я не могу сказать, откуда это берётся. По другим свойствам могу сказать, откуда они берутся — этносоциологический, исторический анализ часто это показывает. По избеганию неопределённости не могу сказать откуда. Мы же практически не имеем измерений раньше 90-х годов. Мы не знаем, может быть, там шоковые реформы начала 90-х, а может, что-то ещё. Но это очень сильное свойство: «не открывайте эту дверь, там опасно»; «не меняйте этого человека, следующий будет хуже»; «не трогайте систему, она посыплется».

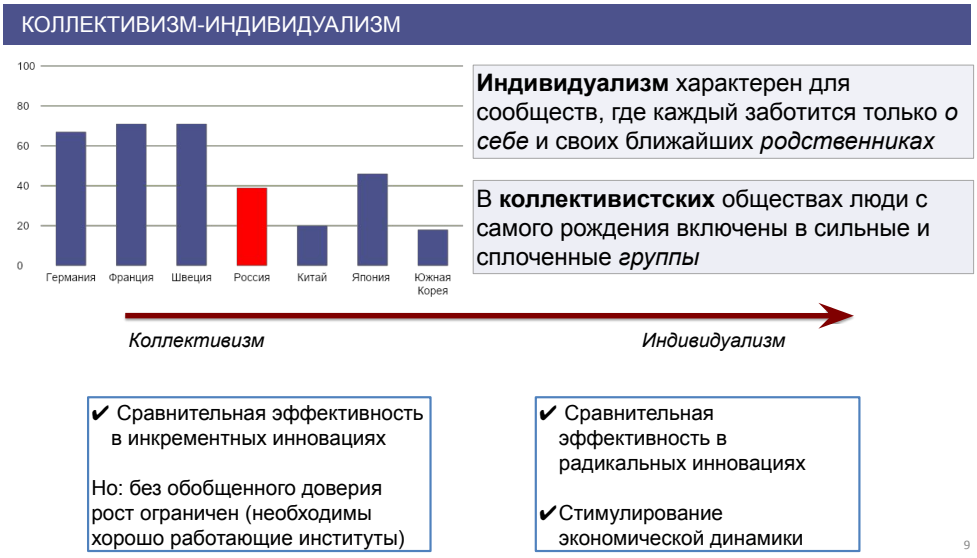


Рис. 9

Экономически, конечно, это плохое свойство, потому что оно блокирует венчурные рынки, инновационный процесс и много чего другого. Это страх перед будущим, по существу. Кстати, лечится ли это? Да. Вот понятие «культура неудач», которое уже вполне распространено, и просто-напросто уничтожение иллюзий. В России считается, что успешный инноватор в Силиконовой долине — это парень 20-22 лет. Нет, это неправда. 43 года — средний возраст успеха в Силиконовой долине. И от 7 до 12 неудачных проектов за спиной у человека. Поэтому «культура неудач» — это объяснение, по существу, что вы, не ошибаясь и не пробуя, не сможете прийти к успеху. И нельзя записывать человека в лузеры при первой неудаче.

Закон № 3. (Рис. 10.) Мне кажется, это крупнейшее в этой сфере открытие последнего десятилетия. Ян Алган и Пьер Каю — один декан экономического факультета Sciences Po, второй – глава программы макроэкономических исследований École Politique. Исследование сделано как раз на эпидемиологическом подходе, на американском материале, на исследовании трёх поколений и сопоставлении со

странами исхода, используя хорошую статистическую базу для такого сопоставления и довольно качественную математику.

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Закон 3. Существует положительная причинно-следственная связь между уровнем **обобщенного доверия** и ВВП на душу населения

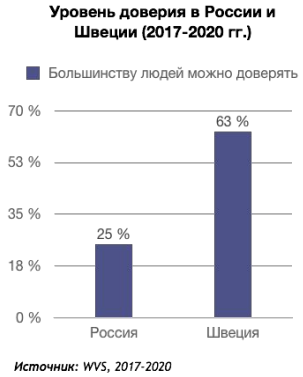


Рис. 10

Как надо читать эту таблицу? Она читается так. Если бы в названных слева странах уровень обобщённого доверия (обобщённое доверие — это положительный ответ на вопрос: «можно ли доверять большинству людей?») был такой, как в Швеции (Швеция — лидер в Европе), то в Великобритании валовый продукт был бы на душу населения на 5% выше, в Германии `— на 7%, в Чехии — на 40%, в России — на 69%.

Вы знаете, вот честно я вам скажу: до того, как я ознакомился с этими результатами, я считал, что главные наши потери в стране связаны с низкой конкурентностью и высокой коррупцией. Но потери, связанные с недоверием, гораздо больше! Это трансакционные издержки силы трения, которые выражаются в том, что надо ли ещё раз сделать дьюдил [*англ*. due diligence — «комплексная юридическая оценка»], надо с адвокатами поговорить и всё-таки взятки дать, на всякий случай. Давайте всё-таки подождём, вдруг они нас кинут. Всё это потери, которые, видите, в какую сумму складываются? Вообще говоря, где-то выше 30% валового продукта страны. Это много. Это очень много!

Теперь спрашивается: ну это же резерв? А можно его использовать? Обратите внимание, что нашим соседом в этой таблице является Мексика. Это исходная таблица Алгана и Каю, ещё одним нашим соседом окажется Турция. И я вам скажу почему. Это страны, которые Хантингтон в 90-х годах назвал «разорванными странами». Это страны, которые отстояли свой национальный суверенитет против Запада в условиях экспансии путём перехвата западных технологий управления — промышленных, военных, в результате чего в этих странах возникли два культурных ядра. Хантингтон прямо писал о России после Петра Первого, именно в связи с Петром Первым. Понятно, что аналогичный процесс мы можем видеть в Японии в период

Мэйдзи, в Турции Кемаля Ататюрка, в Мексиканской революции 1910 — 1917 годов. И в чём проблема-то? Почему тут низкий уровень доверия? Ведь доверие — это субъективная мера вероятности того, что будут выполнены обязательства, что вас не кинут. Разумеется, эта субъективная мера очень сильно зависит от того, как работают институты, есть работающие правила или нет работающих правил.

Теперь смотрите, что происходит при двухъядерности страны. Спрос на институты прямо противоположный. (Рис.11).

БАРЬЕРЫ И ДОВЕРИЕ: ДВА ЯДРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ

Рис. 11

Вот «Индивидуалистическая Россия» (И-Россия). Мы её обнаружили по количественным исследованиям: проходили по разным регионам, на уровне предприятий эти вещи смотрели. (Рис. 12-13) .

Но какой результат? А результат вот какой: индивидуалисты в России живут в мегаполисах. Чем больше город, тем выше индивидуализм. На Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. Самый высокий индивидуализм на Сахалине, и, в общем, это неслучайно, потому что происходит отбор. Человек уходит в город, разрывая со своей средой. Да, он в этом смысле перестаёт спрашивать разрешения. И понятно, почему он «за камнем» [за Уралом], как историки говорили. Это всё возрастает и становится всё выше, выше к Дальнему Востоку. Кстати, мы то же самое проверили по студентам в 26 университетах страны, лонгитюд проводили. И тоже подтвердилось. Примерно та же самая раскладка по происхождению людей и поведению.

Так вот что получается. И-Россия предъявляет спрос на демократию, свободу предпринимательства, модернизацию (см. рис. 11). К-Россия («Коллективистская Россия») предъявляет спрос на институты социальной защиты, перераспределение, господдержку. Два сигнала аннигилируются. Они поднимаются и аннигилируются. В итоге возникает власть, которая может управлять вручную и достаточно хорошо манипулировать наличием, с одной стороны, политического большинства, а с другой стороны, мегаполисов и вот этих районов, от которых зависит экономическая результативность. Поэтому возникает некоторое такое плохое равновесие.

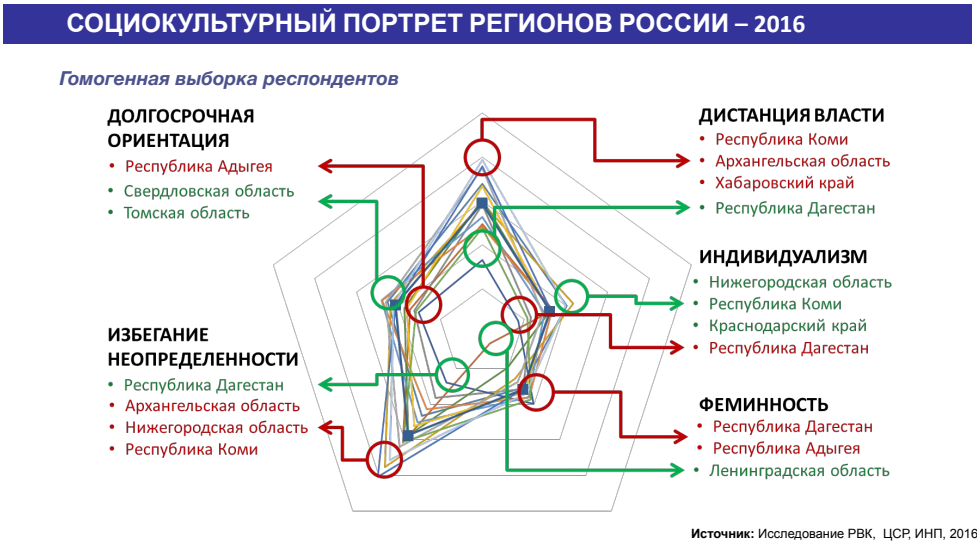


Рис. 12

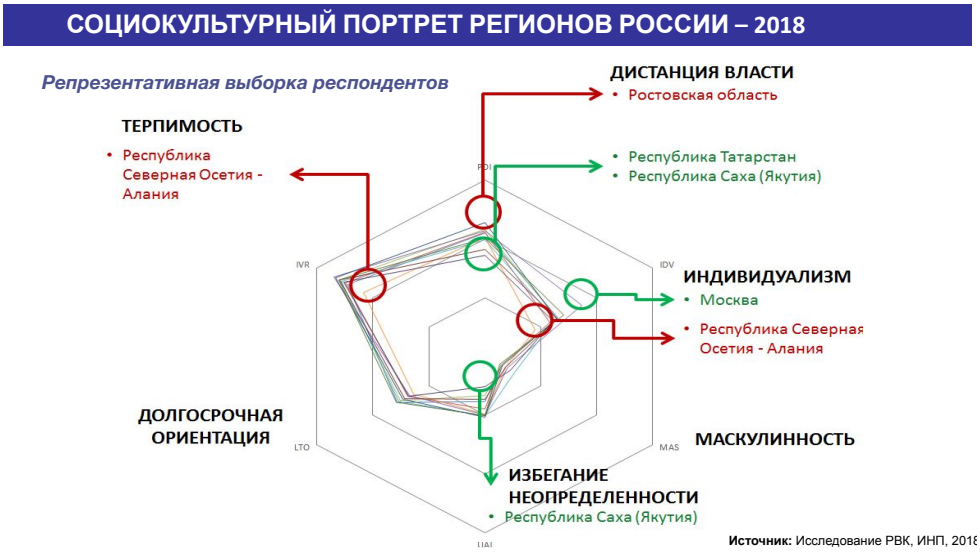


Рис. 13

Есть ли решение? Я считаю, что да. Слушайте, Россия — это федерация. Поэтому, в принципе, возможна реализация разных политико-экономических моделей в разных регионах. (Рис. 14.) При этом мне кажется, что есть процессы, сшивающие потенциалы. Это прежде всего гравитация, которую проявляют пока три российские агломерации — Москва, Петербург и Екатеринбург. Но, похоже, к ним присоединится Самара, южно-сибирских группа городов. Вряд ли Владивосток, это маловероятно,

хотя хотелось бы. И мне кажется, что, конечно, это должно поддерживаться (опять соглашаюсь с Андреем Сергеевичем) культурно-образовательной политикой, образованием некоторых поколений учителей.

Рис. 14

Вот тут, извините, я сделаю отступление, потому что о чём идёт речь? Вот простите меня, коллеги, мне не нравится нынешняя ситуация и нынешний мир. Я себе всё время задаю вопрос: моя вина здесь в чём? Потому что всё-таки я не в деревенском углу сидел последние десятилетия. И я, знаете, к какому выводу пришёл? Я больше тридцати лет учу на экономическом факультете людей, которые делают блестящую карьеру. Последние десять лет учу в президентском резерве, в высшем звене управленческих кадров, лидеров России и так далее. Думаю: что же я не так делаю?

И вот я пришёл к выводу, что я делаю не так: я им всё честно рассказываю, как вижу. Рассказываю, что такой сценарий возможен, такой. Вот это, на мой взгляд, хорошо, это плохо. А дальше выясняется, что я работал как психотерапевт, а не как экономист. Потому что они говорят: «Хм, Александр Александрович, понятно! Значит, объяснить это можно, хороший вариант есть, всё, ну мы пошли». А в чём моя ошибка? А я должен был сказать: «Лично вы виноваты в том, что мы вот в такой заднице, и лично я!» А почему виноваты? А вот почему. (Рис. 15.)

Первое — отсутствие долгосрочного взгляда. Я это могу доказывать на разных схемах и моделях. Сейчас взгляд до марта 24-го года максимум. Мы 11 лет назад делали доклад о восточноазиатских модернизациях. Там очень разные страны, но у всех этих элит, начинавших модернизацию, был двадцатилетний взгляд. Двадцатилетний! На прошлой неделе я вёл закрытый семинар руководителей наших больших госкомпаний — Росатом, Роскосмос и так далее. Они говорили: 30 лет нужно, иначе мы вылетаем к чёртовой матери и проигрываем конкуренцию, как в некоторых отношениях уже проиграли.

«Доверие большинству» иллюстрировать не буду, только скажу, что совершенно согласен с Андреем Сергеевичем. Отсутствие доверия большинству — это болезнь К-России, потому что там доверяют своим против чужих.

ЛИЧНЫЕ УСТАНОВКИ, ВАЖНЫЕ ДЛЯ ПОСЛЕЗАВТРА — ЗД

1. Долгосрочный взгляд

2. Доверие большинству людей

3. Договороспобоность

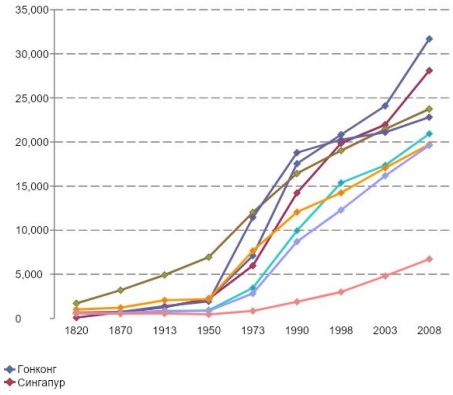
Рис. 15

А вот недоговороспособность — это болезнь И-России! Потому что, знаете, Вельцеля, соратника и ученика Инглхарта (карта, которую я показывал вначале, называется картой Welzel-Inglehart), спросили: «Почему у шведов-индивидуалистов получились такие кооперативные институты?» И он сказал: «Дело в том, что шведы как индивидуалисты социетальны[14]. Они действуют, конечно, не спрашивая разрешения, но при этом закладывают интерес другого человека в свою схему».

Я утверждаю, что мы — нет. Я за 30 лет не видел практически ни одного компромисса в И-России, в крупных городах, общественных движениях и так далее. В научных школах. Это характеристика, с которой надо заниматься и редактировать, как выразился в названии доклада Андрей Сергеевич.

СОПОСТАВЛЕНИЕ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОЙ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКИ

На примере Японии, Южной Кореи, Сингапура, Гонконга, Тайваня



***Источник**: Maddison (2009)*

Культурные изменения:

— переход от традиционных ценностей к секулярно-рациональным
— рост ценностей самовыражения
— укрепление значения индивидуализма
— снижение дистанции власти
— высокая долгосрочная ориентация

***Источник**: Аузан, Архангельский, Лунгин, Найшуль и др. (2011) Полтерович (2001, 2016)*

Закон 4. Переход на высокие темпы роста (**преодоление «эффекта колеи»**) может достигаться при изменении определенных социокультурных характеристик путем использования «промежуточных институтов»

15

Рис. 16

Последний из законов, о котором я хотел сказать, — «закон Полтеровича». (Рис. 16.) Понимаете, коллеги, вот если коротко. Я вообще не завистливый человек, но

[14] Термин, применяемый в социологии для обозначения отношений и процессов в наиболее сложных социальных системах с развитым управлением, социально-классовыми структурами и институтами.

одному человеку я очень завидую, потому что в 1991 году я уже был молодым доктором экономических наук, мог сделать то же самое, но не сделал. Я имею в виду английского статистика Ангуса Мэддисона[15], который сделал простую вещь. Выложил в одну таблицу данные с 1820 года по валовому продукту и населению по всем доступным странам. И оказалось, что есть две траектории движения. Две! И что они всё сильнее расходятся. И есть 5 случаев — 5 за XX век! — перехода с одной траектории на другую. Это те самые восточноазиатские «тигры».

По этим «тиграм» мы в 2011 году проводили анализ такой довольно интересной группой. В группе с нами были режиссёр Павел Семёнович Лунгин, Александр Архангельский, Виталий Найшуль. Сравнив макроэкономическую динамику и то, что известно про динамику ценностей, мы обнаружили, что во всех странах, очень разных, был примерно одинаковый ценностный сдвиг. Вот тот, который ложится в первый и второй законы.

Но дело не в этом. Главный же вопрос: а как это можно сделать? Вот почему я и говорю, что это «закон Полтеровича». Потому что я считаю, что блестящим открытием является открытие, сделанное в работах ещё в 2000 году о промежуточных институтах. Вот работа 2007 года Дэни Родрика (рис.17). А это более поздняя работа Виктора Мееровича Полтеровича (рис. 18). Но идея состоит в следующем, и я могу её проиллюстрировать на разных материалах: да нельзя поменять всё сразу! Если вы хотите двигаться, вы должны сделать что? Вы должны определить главное препятствие, после чего остальные ограничения вы должны превратить в точки опоры.

ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ПРОМЕЖУТОЧНЫХ ИНСТИТУТОВ (1)

Последовательное построение промежуточных институтов включает **три этапа**:

1. Обнаружить ограничение, непосредственно препятствующее реформе

2. Найти политику, устраняющую найденное ограничение, и ***внедрить институт***, который ***удовлетворял бы всем оставшимся ограничениям и «продвигал» реформу*** в нужном направлении

3. Построить ***механизм***, который ***позволил бы повторять эти шаги*** до внедрения желательного института

Источник: *Rodrik, 2007.*

Рис. 17

Приведу два примера. Из российской истории — земство, типичный промежуточный институт. Вдумайтесь! Сочетает сословность, самодержавие и гражданское

[15] Ангус Мэддисон (1926– 2010) — британский экономист, специализирующийся на макроэкономической истории, включая измерение и анализ экономического роста и развития.

общество! Англичанин сошёл бы с ума. А какой эффект! Эффект и прямой — школы, больницы. И длинный — куриальная демократия в первой Государственной думе оттуда произрастала.

Рис. 18

Корейский пример — Чебóль [южнокорейская форма финансово-промышленных групп]. Сделать машиностроительный комплекс на основе родственных кланов, которые занимались рисоводством. Это же гениально, потому что они фактически резко снизили трансакционные издержки. Всем было понятно, кто кому подчиняется, кто авторитет и так далее. Только надо вовремя преобразовывать такие вещи, иначе получается азиатский кризис 97-го года. И Самсунг, например, не вырос бы, если бы не было повторного преобразования, которое состояло в том, что инженерам было приказано снять галстуки и получить образование в одной из областей искусства, между прочим. Вот тогда Самсунг стал конкурентоспособен Apple.

Последнее, что я хотел бы сказать. В каких же сферах всё-таки промежуточные институты приводят к историческим сдвигам, к перемене траектории? Я придерживаюсь позиции, которая возникла из исследования Норта, Уоллиса и Вайнгаста «Насилие и социальные порядки», развеявшего очень много легенд по поводу того, почему нынешние ведущие страны являются ведущими. И, посмотрев на Англию, Францию и США, пришли к выводу, что есть три пороговых условия, от которых начинается переход с одной траектории на другую. (Рис. 19.) Это вопрос: элиты создают законы для себя и распространяют на других или они пишут законы для других, для себе делают исключение? Второй вопрос: у вас персонализированные политические, коммерческие, некоммерческие организации или деперсонализированные? И третий вопрос: вы контролируете инструменты насилия путём раздела «тебе следственный комитет, мне прокуратура» или консолидировано?

ГРАНИЧНЫЕ УСЛОВИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ПОРЯДКОВ

Ограниченный доступ

- Элиты создают законы для других и исключения для себя
- Коммерческие, политические и некоммерческие организации создаются вокруг персон и умирают вместе с ними
- Инструменты насилия распределены между группами элит

Открытый доступ

- Элиты создают законы для себя, распространяя их на других
- Коммерческие, политические и некоммерческие организации переживают своих создателей
- Элиты совместно осуществляют контроль над инструментами насилия

Источник: *Норт - Уоллис - Вайнгаст, 2009*

Рис. 19

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЭКОНОМИКА

ОБОБЩЕНИЕ КЛЮЧЕВЫХ ПОДХОДОВ:

«Вопросы экономики», 5-6 (2012)

«Вопросы экономики», 7 (2020)

«Социокультурная экономика» 2021

Культурные коды экономики, Arzamas, 2021

Культурный коды экономики Forbes

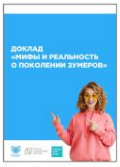
Груз прошлого: чем опасен для бизнеса эффект колеи, Forbes, 2022

ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ:

Исследовательский отчет, 2017

Исследовательский отчет, 2018

Исследовательский отчет, 2021



Исследовательский отчет, 2022

Рис. 20

Причём я, простите, закончил бы примером, который не знают замечательные авторы этой книги. Советским примером. А у нас фактически, скажем, инструменты насилия коллегиально контролировались после 1953 года, Жуков был устранён вообще из общественной жизни даже, чтобы одно лицо не могло влиять на вооружённые силы. А у нас, между прочим, деполитизация организаций, деперсонализация возникла опять не от хорошей жизни во время Большого террора. Потому что, если начальника завтра выведут в наручниках, какой смысл на него затачивать организацию?

На мой взгляд, у нас были две попытки делать законы для элит, потом распространять. Сначала партмаксимум, 20-е годы, а потом в конце Советского Союза то, что мы наблюдали все, когда Съезд народных депутатов, как бы сказать, публично делал законы. Но сейчас мы дальше от этих точек, на мой взгляд, чем были в XX веке.

Собственно, коллеги, это всё, что я хотел рассказать. Я готов ответственность за суждения, названия нести сам, но исследование — это, конечно, коллективное. В 2012 году и в 2020 году мы выпустили две серии статей в «Вопросах экономики». Мы читали курсы, оттачивали всякую аргументацию. Мы пять лет занимались полевыми исследованиями с российской венчурной компанией «Центр стратегических разработок». Некоторые исследовательские отчёты здесь представлены (рис. 20). Ну и, в принципе, есть о чём поговорить и про регионы, и про фирмы. Но не в этот раз, потому что в этот раз, мне кажется, самым существенным было бы понять друг друга хотя бы до уровня не отторжения взгляда, чтобы можно было переваривать дальше. Спасибо!

А.Н. Привалов
Большое спасибо!

А.С. Кончаловский
Прошу прощения, я должен уйти на съёмки, поэтому, во-первых, я хочу извиниться, что должен покинуть вас с сожалением. И во-вторых, сказать, Александр Александрович, вы меня расстроили, потому что вы описываете разные признаки, а диагноза нет. А ведь речь идёт о культурном коде. Культурный код — это диагноз. Диагноз — это значит, как лечить, если он существует. А признаков можно набрать сколько угодно. Поэтому тут о культурном коде очень мало вы сказали. В следующий раз я хотел бы, чтоб вы кристаллизировали предложения.

А.А. Аузан
А вот мой диагноз [на экране слайд — см. рис. 11].

А.С. Кончаловский
А что делать?

А.А. Аузан
А вот что делать [на экране слайд — см. рис. 14].

А.С. Кончаловский
Непонятно. Я ничего не понимаю!

А.А. Аузан
Аааа! Поэтому давайте так, Андрей Сергеевич. Есть ли диагноз? Диагноз есть. Понятно лечение? Нет, не понятно. Я услышал вас.

А.С. Кончаловский
А диагноза не слышу. Единственно, вспомнил. У Харрисона есть хорошая книга

«Who prospers?», «Кто процветает?»[16]. Политически чудовищно некорректная, и там есть замечательное высказывание одного африканского экономиста, который сказал: «У нас в Африке hardware демократический, но, к сожалению, software у нас авторитарный». Вот с этой фразой я хочу с вами проститься. Спасибо большое! Будем ждать от Александра Александровича более конкретных предложений. Всего доброго!

А.С. Кончаловский, А.А. Аузан, А.Л. Саватюгин

А.А. Аузан
Сколько времени вы мне даёте на это, Андрей Сергеевич?

А.С. Кончаловский
Год.

А.А. Аузан
Понял вас.

А.Н. Привалов
Ну что, щедро. Государи мои, небольшой сеанс вопросов последнему из выступавших докладчиков, а потом будем уже высказываться. Прошу вас.

С.Н. Ениколопов, *заведующий отделом медицинской психологии Научного центра психического здоровья, кандидат психологических наук*
Очень интересный доклад, всё в традициях. Только у меня один вопрос. Замечательные северные страны, протестантские и прочее. Почему у них при всём высоком доверии всё хорошо, но при этом высочайший уровень самоубийств? Кроме Норвегии.

[16] Лоуренс Харрисон. Кто процветает? Как культурные ценности способствуют успеху в экономике и политике (Who Prospers: How Cultural Values Shape Economic And Political Success).

С.Н. Ениколопов

А.А. Аузан

Дорогой Сергей Николаевич, вы мне напомнили историю, как мы лет 10 тому назад сидели узким кругом экономистов с Абелом Гезевичем Аганбегяном, который непрерывно сыпал цифрами. А рядом с ним сидел как раз вновь назначенный директор Института психологии РАН, который спросил: «Абел Гезевич, как вы в вашем возрасте так владеете цифрами?» И тот просто без всякой паузы сказал: «А это вопрос к вашей науке, а не к моей». Вот, Серёжа, про суициды — это не ко мне.

С.Н. Ениколопов

Про суициды я объясню почему. Суицид и убийство индикатор неблагополучия в обществе. Если в этих странах всё так хорошо, какого хрена они лезут на табуретку? То есть у них так хорошо, что табуретками они не пользуются, а принимают больше антидепрессантов, чтобы умереть. А вот там есть разрыв между Швецией и Норвегией. В Норвегии показатель суицида — как у южных стран, как у Греции, Италии и так далее. И возникает ощущение, что вот между этими двумя странами культурный код, или что там, различен.

А.Н. Привалов

Там Гольфстрим рядом, поэтому теплее.

С.Н. Ениколопов

То есть для объяснения. Потому что…

А.А. Аузан

Смотрите. Я не ставил своей задачей показать культурные коды каждой из стран, упомянутых в докладе. Конечно, меня интересует культурный код России и некоторые черты, мне показалось, я попробовал набросать. Но в целом задачей моей было

показать, какие связки работают, какие прощупываются. То есть, скорее, связки культурного фактора и экономического результата.

Я могу добавить, кстати говоря, к тому, что сказал Сергей Николаевич, что, может быть, это ещё разные фазы развития. Потому что, если брать Японию как первую страну, которая совершила этот самый переход с одной траектории на другую, она ведь, получив потрясающие экономические результаты, пришла к очень тяжёлым социальным последствиям. Причём и в экономике она вошла в ситуацию депрессии, и суицид высокий, и нежелание молодёжи работать, и прочее, прочее. И одно из объяснений этого было в том, что стране пришлось заплатить за экономический рывок своей идентичностью. А это, естественно, приводит к такого рода психологическим последствиям.

Что касается скандинавских стран, наверно, надо смотреть. Ведь я совершенно не имел в виду, что, если Швеция в примере Алгана и Каю — страна с самым высоким доверием, означает, что это лучшая страна в мире. Это означает, что это страна, где фактор доверия сильнее всего срабатывает. При этом другие факторы могут работать в минус. Или не в такой плюс.

Р.Э. Рахматуллин

Александр Александрович, по слайду не очень понятно, в чём, на ваш взгляд, преимущества федерализма (см. рис. 14). В 1990–1991 годах страна переучредилась и существительное «республика» в её названии — хотя бы даже Советская федеративная социалистическая, но «республика» — сменилось на существительное «федерация». Но в чём здесь преимущество?

Я понимаю федерацию так, что губернии, старые и новые, даже те, которые созданы страной в XX веке (например, любимые мною Липецкая, Брянская), стали каким-то образом учредителями страны. В этом ли преимущество федерализма? Или мы говорим о регионализме? Если мы говорим о перераспределении полномочий, которые не должны называться Федеративным договором, то не выбросить ли нам слово «федерация» из Конституции?

А.А. Аузан

Я имел в виду именно региональную самостоятельность. Я вообще думаю, что мы создали… Эта не мне принадлежит фраза, а одному из опытных российских министров, который сказал, что наша налоговая система — это налоговая система не просто унитарного, а маленького унитарного государства, которая предполагает, что всё видно сверху. И, работая в комиссии по экономике и финансам Госсовета (ну как работая, это сильно сказано, иногда участвуя с губернаторами в обсуждении вопросов), я, безусловно, приветствую подвижку ресурсов в сторону регионов и перестройку налоговой системы. Но я-то имел в виду здесь, я бы сказал… Понимаете, мы имеем два мотора будущего — и то и другое, и коллективизм, и индивидуализм, могут работать как мотор будущего. Модернизация Восточной Азии сделана на коллективизме. Западная — сделана на индивидуализме. Можно ли их встроить в один самолёт? Я не знаю. Но сейчас они работают на аннигиляцию.

И я скажу, это же проявляется не только в экономике. Давайте скажем откровенно: отношение к возникшему геополитическому разлому. Для И-России — это трагедия в

значительной степени, потому что она во многом строилась на глобализированных связях, фронтирные компании, закачанные сюда, строились десятилетиями. Я вижу, что психологически происходит внутри Яндекса, внутри Сбера. А для К-России, которая, опять скажем откровенно, за 30 лет вообще ничего не получила, кроме вопиющего неравенства и решения проблемы дефицита (скажем, если есть деньги, можно что-то купить) — это, наоборот, весьма положительные события, когда, наконец, она включается в мировую историю, получает деньги хотя бы через оборонные предприятия и контракты.

Внутри страны два ядра по-разному относятся к переломному состоянию. Поэтому, если вы видите иной способ решения, я охотно его приму.

Р.Э. Рахматуллин

У меня было редакционное замечание к термину, как и к термину Андрея Сергеевича «санкции Бога». Вы, кажется, уже готовы отказаться от слова «федерализм» и подтвердить, что преимуществом является регионализм, простое перераспределение полномочий. То есть вычеркнуть это слово на слайде.

А.А. Аузан

Вот меня как экономиста это не пугает. Вычеркнуть? Хорошо, давайте вычеркнем. Бессонных ночей по этому поводу у меня не бывает. У меня, честно скажу, бессонные ночи по поводу того, что страна с человеческим потенциалом в первой тройке находится на 60-м месте по валовому продукту на душу населения! И это вообще невиданный случай, чтобы страна с таким человеческим капиталом (правда, мы его повыбрасывали хорошенечко в 2022 году, конечно, но всё равно не весь) не давала ни качественных институтов, ни экономического роста. Вот это для меня головная боль и душевная боль, я скорее об этом думаю, а не о том, какое существительное в названии государства.

Р.Э. Рахматуллин

«Империя», «республика», «федерация» — термины переучреждения нашей страны в XX веке. По-моему, это существенно.

А.Н. Привалов

Вы почти всех убедили. Ну, кроме авторов Конституции. Прошу вас.

А.В. Захаров, *генеральный директор Московской межбанковской валютной биржи (ММВБ) в 1992–2003 гг. (в н.в. Московская Биржа)*

Вопрос к Александру Александровичу. Он из советской школы, когда учили: «давайте договоримся о понятиях». Я как неучёный спрашиваю учёного. У нас исключительно важная тема, и я начну с того, что вот мне вспоминается выступление Грефа перед астраханскими студентами, когда он пришёл в Сбер. Он сказал: «Россия — это страна, в которой долго запрягают и никуда не едут». Это как бы риторический вопрос: не является ли это уже кратко и четко сформулированным так называемым культурным кодом России? Но вопрос в другом.

А.А. Аузан

Но на это я готов ответить: нет, не является.

А.В. Захаров

А.В. Захаров

Это преамбула. Вопрос соотношения понятий. Вы упомянули цивилизацию. Это понятие известное, есть теория цивилизаций. Нет окончательного определения, что такое цивилизация, о котором бы все ученые договорились. Правильно? Более того, небезызвестный в широких и узких кругах Тойнби вообще даже сформулировал две православные христианские цивилизации. Одна — это Балканы и Византия, а другая — русская цивилизация. Я шучу.

И есть еще такое понятие «культура». Можно идти от Флоренского, который говорил, что культура идёт от слова «культ». А можно идти от тех определений, которые формулировали у нас не так давно на просторах Российской Федерации, не помню, когда Закон о культуре рассматривался, — там более 400 определений.

Итак: понятие «цивилизация», понятие «культура», до конца не сформулированное, нет консенсуса, что такое культура вообще. Слов много, а консенсуса нет. И вот «культурный код нации» и поиск его составляющих, которые объяснят, почему мы не так живём, я бы так сказал, это как поиски национальной идеи. То ли мы национальную идею ищем, то ли мы объясняем, почему у нас что-то не всё получается.

Вот, с вашей точки зрения, если говорить о цивилизационном подходе и соотнести его с культурным кодом нации, — что это? Мы особый путь свой ищем или особое объяснение, что у нас что-то не так? Или культурный код нации — это поиски любой отдельно взятой страны, которая хочет что-то себе объяснить? Но что-то ничего не объясняется.

А.А. Аузан

Во-первых, я бы сказал, что спорить об определениях — последнее занятие, потому что, когда мы «походили» по экономической и социологической литературе, которая работает с этим понятием, там практически единое мнение по поводу культуры, единое. А вот людям, которым нужно отстоять некоторую

самобытность, идентичность, возможно, им трудно договориться об определениях. А там практически единое с вариациями в словах, что это ценности, разделяемые большими группами населения и медленно меняющиеся во времени. Вот как рабочее определение нас это устраивало, и мне не кажется, что тут надо дискутировать дальше.

Существует ли цивилизация? Да, потому что я бы сказал, если вернуться к закону Инглхарта, — 30 лет, 7 волн, и мы видим, как они выявляются, как они по-разному движутся. Потому что движутся не только нации, но и группы наций. Кстати, Хантингтон тоже называл эту цивилизацию «русской».

А.В. Захаров

Но мы к ней относимся? К русской. Есть такая цивилизация, как вы считаете?

А.А. Аузан

Я, видимо, должен начать доклад сначала. Первое, что я показывал по карте Инглхарта, что 30 лет динамики показали наличие цивилизации. И одна из них, которая там обозначается как православная, на карте Инглхарта, Хантингтон её называл восточно-христианской или русской.

А.В. Захаров

Зачем нужен культурный код нации?

А.А. Аузан

Сейчас объясню. Потому что, во-первых, внутри цивилизации существуют различные уровни наций, потому что есть макрохарактеристики, связанные с религией, а есть связанные с языком. И язык очень сильный детерминатор поведенческих установок. Пожалуйста, я могу предложить любому желающему перевести на английский русское слово «государственность». Это же не state, не government, не bureaucracy, не authority. Это на самом деле ловушка социологических опросов, потому что, когда человек понимает под государством и власть, и себя, и страну, на вопрос: «Что должно делать государство?» — он говорит: «Всё должно делать государство». Его спрашивают: «А правительство может?» — «Не, правительство не может». «А чиновник?» — «Не, и чиновники не могут». «Губернаторы?» — «Не-не-не, никто не может». А государство должно, и это явление языка.

Так вот о культурном коде. В принципе, моей целью доклада не было показать культурный код России, а была цель показать, какие работают закономерности (культура, экономика), и высвечивать некоторые примеры. Но я могу нарисовать, по Хофстеде это чётко нарисовано: это Россия. Вот мы: феминные, то есть склонные к креативным решениям и не склонные к массовому стандартизированному производству. Разделённые по признаку индивидуализма, коллективизма, как раз скорее по крайностям, а не в среднем. С высоким избеганием неопределённости, с высокой, но не запредельной дистанцией власти. И с долгосрочной ориентацией, в отличие, например, от американцев. Долгосрочная ориентация — это что? Краткосрочная ориентация short term orientation — это понимание, что вы находитесь в правильном месте в правильное время вот именно сейчас. Здесь нет такого ощущения, у нации

есть долгосрочная ориентация, мы в этом смысле похожи на тех, кто делал восточноазиатские модернизации. Но мы не маскулинные.

А.В. Захаров

Последний вопрос. Мне знаете, что не понятно? Если мы русская православная организация, почему мы постоянно ищем ценности? Разве они не сформулированы?

А.Н. Привалов

Вы не ищете, я не ищу, Александр Александрович не ищет.

А.А. Аузан

Нет, я прошу прощения, что значит ищем? Александр Владимирович, мы их исследуем. Что значит ищем? Это как Диоген с фонарём: «Ищу человека»? Нет. Вот, пожалуйста, мы можем исследовать то, что нам дано в какой-то социальной ткани. Мы исследуем, находим и формулируем: я утверждаю, коллеги, что эти исследования показывают, что Россия как набор ценностей — это вот это, это и это, что имеет такие-то последствия. Если я не прав, я не прав не потому, что мне больше нравятся эти ценности, они мне чем-то нравятся, чем-то не нравятся. А потому что ну скажите тогда, как вы намерены их обнаружить? Если по-другому, расскажите как.

А.Н. Привалов

Спасибо. Руслан Семёнович, прошу вас.

Р.С. Гринберг, *научный руководитель Института экономики РАН, доктор экономических наук, член-корреспондент РАН*

Александр Александрович Аузан мой друг, я поэтому задам ему два вопроса на понимание. Первый вопрос такой. Лет 15 назад я прочитал интервью господина Хантингтона, которого мы все уважаем очень и любим. А вопрос был к нему простой: « Могут ли быть конфликты между Украиной и Россией?» Он говорит: «Да вы что, с ума сошли? Это же единая, одна цивилизация». Вопрос: какое ваше отношение к этому обстоятельству?

Второй вопрос близок к этому, но связан, чтоб учёность показать, с верификацией причинно-следственной связи. Мы знаем, что на валовый внутренний продукт и его динамику влияют тысячи факторов. Есть яркий пример — нулевые годы, когда ВВП рос очень серьёзно, и вы хорошо об этом знаете. Есть разные оценки этого дела. Одни говорят, что это, конечно, первые шаги рыночной экономики наконец. А вторые, как я например, говорят, что это чисто результат подорожания нефти в 10 раз. Так у меня вопрос такой: а как вы относитесь вообще к тому, что есть сомнения? Понятно, что доверие лучше, чем недоверие, но сколько на него приходится процентов, как, почему?

А.А. Аузан

Хантингтон, «Столкновение цивилизаций», — я в позапрошлом году эту книгу перечитывал (он в 1996 году это написал) и прямо сказал, что по Украине проходит

раскол западно- и восточно-христианской цивилизации, и это может вызвать серьёзные конфликты. Я вот деталей не могу сказать, но я был поражён тогда, два года назад, такому прогнозу из 1996 года. Я просто не видел этого интервью, я бы сказал, что, по Хантингтону, как раз наоборот — то, что мы наблюдаем на Украине, очень похоже на столкновение исламской и западно-христианской цивилизации во время октябрьской войны 1973 года в Израиле, когда Израиль был полем боя арабских стран с Израилем, а нефтяное эмбарго ударило по Европе и вызвало, как вы помните, кризис 1973–1974 годов. Потому что цивилизационные столкновения могут иметь такую форму и могут даже иметь некоторые аналоги.

Что касается факторов. Дорогой Руслан Семёнович, мне кажется, что этот мир очень сложен, что в нём нет доминирующих факторов, что в нём есть неучтённые связи и обстоятельства. Что касается доль [доверие и пр.], я давно согласился с Виталием Леонидовичем Тамбовцевым, что вся эта культурная штучка, которой мы 10 с лишним лет занимаемся, может быть, объясняет 5–7% валового продукта. Это не основная доминанта.

Р.С. Гринберг

Это немало.

Р.С. Гринберг

А.А. Аузан

Немало, абсолютно немало! Но хочу сказать, почему мне кажется исследование Алгана и Каю таким важным и его перепроверяют и пытаются повторить на другом материале. Потому что, по существу, впервые им удалось выделить чистый эффект культуры на валовый продукт. Я просто отсылаю к работам Алгана и Каю, мы это дело обсуждали и с Полтеровичем, и с Аганбегяном, с другими, большие споры вокруг этого. Но, в общем, там это сделано и благодаря работе со статистикой эпидемиологического подхода к этим поколениям эмигрантов в США, с их детьми, внуками, и

сопоставлением с тем, что в странах исхода. И работа с теми математическими инструментами, которые позволяют чистить такие круговые зависимости. Поэтому да, вот удалось выделить значительное воздействие, и это оказалось именно доверие. И, как видите, опять для кого как. Для англичан что, ну на 5% был бы больше валовый продукт на душу населения. В общем, не так чтобы решающий вопрос. А для нас, наверное, решающий.

А.Н. Привалов

Спасибо. Ещё вопрос — прошу, Наталья Ивановна.

Н.И. Иванова, *руководитель научного направления отдела науки и инноваций ИМЭМО РАН, доктор экономических наук, академик РАН*

Очень короткий вопрос тоже на понимание. Вы упомянули, отвечая на один из вопросов, что одна из проблем такого разрыва, не культурного, а психологического, в частности о самоубийстве было спрошено, связана с тем, что идентичность поменялась. Идентичность сейчас таким баззворд [*англ*. buzzword, «модное слово»] стала. И исследования идентичности, в частности в нашем институте, ведутся как комплекс примерно того, о чём вы говорили. То есть там и Хофстеде, и Инглхарты и Хантингтоны. Вот как вы считаете, можно ваш комплекс исследований назвать таким мэйнстримом идентичности? Или это всё-таки разные плоскости и разные принципы, разные подходы? Спасибо.

В.В. Бортко (слева)**, Н.И. Иванова**

А.А. Аузан

Наталья Ивановна, я думаю, да. Я думаю, что этот набор характеристик и есть идентичность. Что имеется в виду под таким нарушением идентичности? Я бы сказал, что японцы были первыми, кто попытался решить эту проблему перехода на другую траекторию. И, по существу, начали же они очень резко. Они начали с того,

что попытались стать англичанами. Они стали носить цилиндры и читать Дарвина, Джона Локка и прочее, прочее. Дало это эффект? Да, дало. Я вам скажу какой — Цусима. Потому что первый, кто ощутил, что Япония растёт, были наши предки, проигравшие это великое сражение.

Потом Япония несколько раз выходила на другие траектории, но она меняла методы! И вот японское экономическое чудо было результатом уже не попытки стать англичанами, а свои системы — пожизненный найм, то-сё, что гораздо лучше вписывалось, наверное. Мы же не имели тогда этих исследований — World Values Survey или Хофстеде, или Шалома Шварца, мы не знаем по 1950-м годам, мы можем только предполагать. Вот Мансур Олсон писал, что немецкое экономическое чудо произошло после того, как скачок доверия произошёл. И японское, скорее всего, тоже. Да, мы предполагаем по косвенным признакам, что эти штуки работали, но не имеем количественных методик.

А вот что такое нарушение идентичности, мы примерно понимаем, в каких случаях это происходит. При нарушении тех правил, о которых пишет Полтерович и/или Дени Родрик о том, что, если вы пытаетесь поменять всё сразу, а не снимаете какое-то ограничение, используя всё-таки другие характеристики в качестве опорных точек, вы получаете, скорее всего, разрыв с последствиями.

А.Н. Привалов

Так, ещё один вопрос и переходим к выступлениям. Прошу вас.

К.В. Анохин (за столом слева)**, А.А. Кузьмина**

А.А. Кузьмина, *главный архитектор Московской области*

Спасибо большое. Я в данном случае как раз одна из тех, кто прошёл «сеанс групповой психотерапии» для чиновников от Александра Александровича. Не могу не спросить, как градостроитель постоянно задаюсь этим вопросом. Московская область, в которой я служу, специфична очень, она сочетает в себе, по сути, как раз

два эти типа жителей [И-Россия и К-Россия], два этих типа наших сограждан. Это создаёт разноплановый выбор для управления регионом. Потому что, с одной стороны, мы должны обеспечивать тот темп, который характерен для работы с инновационными сообществами, и в то же время мы понимаем, что в силу миграционных процессов происходит перемещение к нам со всей России.

Есть известный тезис о том, что спасение Москвы в развитии регионов. Хотела уточнить, является ли федерализация, регионализация страны в вашем понимании одним из инструментов влияния на внутренние миграционные процессы и обезлюдения территорий?

А.А. Аузан

Александра Александровна, во-первых, по тем 17 регионам, которые мы за 5 лет сумели в полевых исследованиях посмотреть, я могу рассказать гораздо больше, чем различия по коллективизму и индивидуализму. Например, мы открыли для себя Якутию и потом два года работали с Якутией. Там оказался потрясающий набор характеристик, просто потрясающий! В частности, оказалось, что там горизонт мышления — длинный. Причём это сложилось благодаря и клановости якутов, и климату. Потому что им зимой выйти и с одного места на другое перейти, нужно план выстраивать и как-то… Поэтому там целый ряд характеристик, которые мы прорабатывали, как заложить в программу инновационного развития Якутии, потому что они не такие должны быть, как, например, в Северной Осетии, где очень трудная ситуация.

Поэтому первое. Я удивляюсь, почему, кроме якутского правительства, никто к нам не приходит и не говорит: «А как мы можем свои культурные характеристики заложить в институтах, результатах и прочее?» Вот с якутами мы работаем, с Александром Сергеевичем Николаевым [глава Республики Саха (Якутия)].

Второе. Является ли регионализация способом борьбы с миграцией? Нет. Я думаю, нет. Потому что для этого нужно решить другую задачку — создание разных центров развития страны кроме Центрально-Европейской России. А сама по себе регионализация такое создание центров не гарантирует. Если действительно начнут развиваться агломерации, я бы сказал в том смысле, как описывает Наталья Васильевна Зубаревич, что вот Екатеринбург оказывает теперь гравитационное влияние на соседние области, а также будет, например, Новосибирск, Омск, Томск, — тогда да, тогда могут появиться магниты, которые оттягивают. Кстати, Екатеринбург уже изменил динамику миграции, если вы заметили. Оттуда, в общем, не уезжают, туда, скорее, приезжают из Западной Сибири и так далее. Поэтому вот если это произойдет, тогда поменяется динамика миграции.

А.Н. Привалов

Александру Александровичу ужасно интересно задавать вопросы, потому что он знает удивительно много интересных ответов. Но, поскольку мы уже очень давно этим делом занимаемся, я всё-таки предложу высказаться, выслушав сегодняшние сообщения. И учитывая, сколько сейчас времени на часах, попрошу всех быть лаконичными. Записалось уже несколько человек. Господин Булдаков, прошу вас.

В.П. Булдаков, *главный научный сотрудник ИРИ РАН, доктор исторических наук*

Спасибо. Прежде всего должен заметить, что в последнее время все мы с таким же упорством занимаемся поисками кода, гена, ДНК россиянина, с каким во времена Средневековья учёные мужи занимались поисками философского камня. Ну чем это закончилось, сегодня всем известно. Однако в своё время все были уверены, что философский камень существует, его не может не быть. Точно так же мы уверены, что искомый ген есть, осталось только его отыскать, слегка скорректировать, и всё будет хорошо и прекрасно.

В.П. Булдаков

Вера в чудо может принимать наукообразные формы. Но я в такие чудеса не очень верю. Во всяком случае, история, та история, которой я занимаюсь, к этому не располагает. Вы знаете, в разные времена люди пытались найти что-то особенное в себе и в других. Это естественный идентификационный процесс. Однако временами он приобретал навязчиво болезненные формы. К примеру, относительно недавно была переведена на русский язык интереснейшая книга Мацея Гурного «Великая война профессоров». Он затронул очень своеобразную тему — взлёт так называемых характерологических исследований, которые развернулись в Европе (Россию они почти не затронули) накануне Первой мировой войны. Хронологически эта «война» охватывает 1912–1923 годы, то есть она шла параллельно событиям на фронтах Первой мировой войны.

Эта книга в некотором отношении потрясает. Дело в том, что в этот самый период в различных странах выдающиеся учёные, практически все специалисты и в социологии, и в антропологии, и в культуре, крупнейшие величины вроде Г. Лебона, В. Вундта, Р. Вирхова — имена можно перечислять до бесконечности, практически никто, включая «твёрдых» позитивистов, от этого не уклонился. Все изыскивали у своих воображаемых, а затем реальных противников некие врождённые отрицательные качества, наделяли их жуткими характеристиками. В совокупности получалось, что вся Европа, не говоря уже об Азии, населена какими-то вурдалаками.

Вы знаете, наверное, в этом есть некоторое рациональное зерно. Так или иначе тогдашние учёные, скорее инстинктивно, уловили, что в определённые времена (в данном случае в связи с тогдашним витком глобализации) начинают копаться друг в друге, изучать чужого, а заодно всматриваться в самих себя. Такие ситуации случаются периодически, этого нельзя не признать. Споры более чем столетней давности ничего конструктивного не принесли. Напротив, люди, нации, этносы вылили из своего подсознания массы грязи друг на друга. А людская дурь время от времени «материализуется». Как бы то ни было, рассуждений и дискуссий на подобные темы не избежать. Они будут продолжаться. И, думается, в том, как они разворачиваются, содержится некий намёк на «наш» ДНК.

Кстати сказать, Андрей Сергеевич, с которым я довольно давно знаком, забыл сегодня затронуть одну тему, что меня несколько удивило. Он обычно говорит о такой черте русскости, как патернализм (что я вполне разделяю). И, кстати сказать, Александр Александрович, вы своими таблицами, хотели этого или нет, наличие этого чрезвычайно мощного фактора нашей истории убедительно подтвердили. Правда, забыли сказать, как эта штука называется, но это мелочь. Важно, что этот фактор существует и определяет очень многое, если не всё в нашем прошлом и настоящем. От этого никуда не денешься.

Кстати сказать, по-моему, вы, Александр Александрович, заметили, что Россия пыталась изменить траекторию своего развития, и в этом отношении большую роль сыграли в своё время земства. Тут я должен не согласиться, точнее, не вполне согласиться. Дело в том, что земства хорошо работали на губернском и уездном уровне. Когда в 1917 году дело дошло до волостного земства, всё пошло вразнос.

Дело в том, что крестьяне не приняли идею бессословного (или всесословного) земства на низовом уровне, не без основания полагая, что в них будут заправлять помещики (или интеллигенция). Теперь им это было ни к чему. Идеальное земство мыслилось ими как расширенный вариант привычной общины. В общем, либеральная идея внесословного земства в низах не привилась, межсословного сотрудничества не получилось. Были, конечно, исключения, но в целом путь к гражданскому обществу оказался заблокирован крестьянской ментальностью.

Жаль, что Андрей Сергеевич ушёл, он абсолютно прав насчёт крестьянской культуры, крестьянской ментальности, её следы прослеживаются у нас везде. Спрашивается, с какой стати потомственные в нескольких поколениях горожане превращают дачные участки в огороды? Как-то в Австралии был дома у одного профессора. Вышли в садик, там зрелые апельсины. «Вкусные?» — спрашиваю. «Не знаю, не пробовал, в магазине покупаем». Почувствуйте, как говорится, разницу.

И, наверное, главный вопрос состоит не в том, чтобы указать на те или иные генетические особенности, слабости или даже «изъяны» нашей субъектности. Важно научиться аккуратно, с помощью воспитания и образования корректировать в нужном направлении российскую ментальность. Не берусь судить, насколько это возможно в принципе, но другого пути нет. На этом я хотел бы закончить. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо. Владимир Владимирович, прошу вас!

В.В. Бортко

Как говорится, не могу молчать. Что касается нашего уважаемого второго докладчика, я просто поражён его анализу, спасибо большое. Для меня многое открылось, это действительно безумно интересно. А что касается первого доклада, то здесь у меня есть несколько возражений, я сказал бы так. И вернуться я хочу к простому — к названию доклада.

В.В. Бортко

Итак, «русский код». Прекрасно! Так вот, русский код я бы рассмотрел с двух сторон. Первое — это социальный аспект этого кода, и второй, я бы сказал, — генетический. Он сложнее и скандальнее, поэтому начнём с социального.

Самая главная черта русского кода — выживание. Вот это самое главное, что есть в русском человеке. Причём началось это, если хотите, ещё со времён Владимира Красно Солнышка, ибо объединение всех племён, введение христианства в России преследовало именно эту цель — объединить, выжить и стать сильнее.

Если рассматривать дальше всю историю с этой стороны, — крепостное право. Откуда оно взялось? Почему? Что, это свирепые помещики сделали? Нет! Колоссальная территория страны, ограниченность людских резервов, в частности военных, просто требовала их пропитания, тех самых красивых гусар и всех остальных. Именно поэтому и происходило закрепощение крестьян: они должны были кормить их. Простая экономическая история, не более того.

Но, учитывая то, что у нас крепостное право было отменено в 1861 году, то есть 162 года тому назад — это всего-то-навсего четыре поколения. Тут я, правда, соглашусь с господином Кончаловским: как мало времени прошло, всё это сидит в нас! Здесь он прав. И это сильно сказывается на отношении к власти, на поведении народа вообще, при этом у нас царь — батюшка. А почему царь — батюшка-то? Я уже говорил как-то на этом собрании. Так без царя-батюшки-то быть не может по одной простой причине: разные нации, обладающие своими землями,

и чтобы держать их вместе, что нужно? Царь-батюшка, который одновременно и крымский хан. Крымские татары не видели ни того, ни другого. Но он был хан, он всё делал «как батюшка».

Но развитие отношений производственных привело к тому, что с царем стало сложно. И, самое главное, что его свергли. Большевики. «Большевики сидели в Швейцарии» — там не было большевиков, ни одного! Это кто такие были? Либеральная тусовка сверху и родственники царя, великий князь ходил с красным бантом, да. Что началось после свержения батюшки? Распад страны сразу же, мгновенный. Я не говорю уже про Кавказ. Кубань решила отделиться, как во времена Ельцина решила отделиться «Уральская республика». Сразу же, мгновенно! Царя-батюшки нет — и появились большевики. В чём их основная заслуга?

Во-первых, они собрали страну, во-вторых, дали самое главное — идею, скрепляющую государство. Неважно, веришь ты в эту идею, не веришь во всеобщее построение счастья и нового человека, но это скрепляло государство — великая идея! Вообще, в этом мире только две идеологии — одна национальная, другая социалистическая. Третьей нет, не было и быть не может! Выбирайте любую, какую хотите. Кстати говоря, национальная не значит националистическая. Национальная — это «я хороший», а националистическая — это «они плохие». Национальная идея Франции — пожалуйста: «Франция! Мы всё сделаем для Франции!» Не так плохо. А националистическая — это другое, это Германия и так далее.

А есть другая штука — социальная. Так вот, для нашей страны другой идеи нет, не было и быть не может. Ибо скрепляют, как я уже говорил, сейчас только три вещи: царь-батюшка Владимир Владимирович, Росгвардия и телевидение. Уберите любую из них — страна развалится. Мгновенно и сразу!

Так вот, всё подчинено одному — выживанию. И этот код внутри русских самый мощный. Ну как же, у нас вот, понимаешь, свободы нету... Внутреннее ощущение — выживание, защита границ, защита страны! Готов ли я к тому, чтобы, не дай бог, мои любимые татары отделились? Да никогда! Туда же якуты и все остальные, и Кавказ тоже туда же. Никогда! Что для этого нужно? Понятно что. Хорошо бы, не царь-батюшка держал, а идея, та самая, которая была у коммунистов. Но самое главное, повторяю, код русских — это выживание.

И дальше теперь перейдём на совершенно неполиткорректные вещи. Друзья мои, что делать, биологически мы все животные. А собаки? Такие же. Сравните, пожалуйста, не знаю, овчарку и болонку. Разные совершенно, при этом они одинаково дают потомство. В этом отношении они одинаковые, но какие они разные по характеру, по поведению! Каждая нация обладает своим кодом. Если посмотреть на нобелевских лауреатов, там евреев 80%. Понимаете? Ни одного цыгана нет, хоть тресни, ну ни одного! Кстати, чёрных тоже мало.

И теперь посмотрите, пожалуйста, на размеры нашей страны. Случайны ли они? Нет, конечно! Это входит в генетический код, это его заслуга. Где находятся русские? Большинство русских? Объясняю: сидят в охране. Армия — это кто, армяне? Нет, русские! Это национальный код, поэтому и размеры страны таковы. Со всеми вытекающими из этого последствиями.

Итак, самый главный код — это выживание. И ещё — это национальный код, находящийся внутри. Вот это то, что есть. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое, Владимир Владимирович. Не для дискуссии замечу. Я не могу вспомнить, но кто-то из древних персов сказал, что, если хорошенько выжать любое жизнеописание, от него останется одно слово: «выживание». И речь шла не о России, а о Земле вообще. Профессор Тамбовцев, прошу Вас.

В.Л. Тамбовцев, *главный научный сотрудник экономического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор экономических наук, профессор*

Спасибо. Я прежде всего скажу то, что у нас, по-моему, ещё не звучало. Я хочу сказать спасибо нашим докладчикам за очень интересные сообщения. Второе короткое начало заключается в том, что, как вы поняли из выступлений, проблема настолько широка и, я бы сказал, необъятна, что, разумеется, в то ограниченное время, которое было у докладчиков, они сказали интересное и важное, но далеко не всё, что можно сказать о национальных и прочих кодах, культурных кодах. Важное, но не всё. Вот я и попробую немного их дополнить в этом плане.

В.Л. Тамбовцев

Первый вопрос какой: когда мы говорим о кодах, мы о чём вообще говорим? Мы говорим о знаках, коды — это разновидность знаков. А знаки людям нужны для того, чтобы передавать какую-то информацию. Если под этим углом зрения взглянуть на само понятие культурного кода, — где мы найдём ближайшие их выражения и формы? В прошлом году мы довольно много ездили по музеям Тульской области, я там везде находил локальные одеяния женщин. Там везде свои костюмы. Структура одна, но костюмы-то свои. Это к чему такое было? А это и есть форма передачи информации о том, где ты обитаешь. И человек, который знал, где кто обитал, увидев женщину в этом костюме, сразу понимал, чего ожидать, с кем имеет дело и так далее.

Мы совсем недавно, лет 30 назад, все наблюдали такое интересное явление, как рождение культурного кода и его довольно быстрое исчезновение. Я имею в виду

знаменитые малиновые пиджаки. Это был стопроцентный культурный код, но короткоживущий. Это к вопросу о том, что культурные коды — это всё надолго, это на века. Не обязательно на века. Бывает на годы, а бывает и на века.

Второй момент. На самом деле то, о чём говорил по крайней мере Андрей Сергеевич, — это ведь не ценности, о которых говорил Александр Александрович. Это то, что у культурологов, психологов и так далее называется «социальные аксиомы». Социальные аксиомы — это представления людей о том, как устроен мир, что в нём происходит, что в нём с чем как связано. Я приведу сразу пример, чтоб было понятно, что я имею в виду.

Есть люди, которые считают, что в мире рано или поздно, но справедливость восторжествует. А есть люди, которые так не считают. Есть люди, которые считают, что люди, когда они совершают обмен, то один обязательно выигрывает, а другой обязательно проигрывает, то есть это игра с нулевой суммой. Есть люди, которые так не считают, они считают, что обмен, если меня не заставили, то он полезен обоим. Это всё примеры социальных аксиом.

Их начали изучать сравнительно недавно, первые статьи появились в конце прошлого века — начале этого, то есть всего 20 лет назад. Тем не менее проведено довольно много исследований, которые показывают, что в разных странах, в разных нациях существуют разные сочетания социальных аксиом. Эти социальные аксиомы по самому обобщающему характеру очень хорошо отражают то, что можно назвать культурным кодом данного социума.

Откуда у людей в их мозгах или в подсознании появляются эти социальные аксиомы? Гипотеза заключается в том, что у них есть два источника. Источник первый — это то, что умеют все люди, то есть это результат статистического научения. Человеческий мозг, наблюдая за тем, что происходит вокруг, выявляет разного рода закономерности. Так все умеют — кошки, собачки и люди тоже. У нас постоянно возникают некие представления о том, как что-то в мире связано. Вот всякого рода приметы — это проявления нашего автоматического научения.

А второй источник — это, разумеется, идеи, которые кто-то придумывает, и они бродят по миру. Вот с идеями, о которых сегодня довольно часто упоминалось, оказался связанным очередной миф. Один из экономистов — Роберт Шиллер, лауреат Нобелевской премии по экономике за 2013 год, — последние лет пять занимался изучением нарративов, их роли в экономике. Среди прочего, он стал распространять мысль, что есть такой феномен, как вирусность нарративов. С его точки зрения, бывают такие нарративы, которые, возникнув как вирусы, распространяются везде и овладевают массами, как говорил другой классик.

Что на самом деле происходит с идеями? Ведь если я узнаю о чём-то — это вовсе не значит, что я это начинаю разделять, то есть считать правильным и достойным того, чтобы следовать узнанному. Одни люди не только слышат, но и принимает идею как руководство к действию, другие — нет. Какие же идеи становятся вирусными, а какие нет? Важна ли нарративная форма или нет?

В 1989 году несколько разумных экономистов предложили совсем другую модель усвоения идеи, не связанную с формой её представления. Не вдаваясь в детали, могу только сказать, что это чисто экономическое объяснение. Человек воспринимает идею там и тогда, где и когда он видит — может быть, ошибочно, но видит, — что,

следуя ей, он извлечёт некоторую пользу. Сразу хочу сказать, речь не идёт об экономической пользе, то есть об эгоизме. Это может быть польза для себя лично, но также и польза для своей семьи, для своих друзей, для своего города, региона, вплоть до страны и Земли. Но важно, чтоб была польза, локальная или обобщённая. Тогда идея принимается.

Эта модель неоднократно проверялась эмпирически, она работает, и это было в 1989 году. К стыду своему должен сказать, что, зная эту модель довольно давно, я только недавно сообразил, что художник говорил об этой модели на четверть века раньше — художники же тоже ловят всякого рода закономерности. И вот один из художников, точнее поэтов, я имею в виду Владимира Семёновича Высоцкого, в одной из своих песен 1964 года фактически отразил такую экономическую модель: «Зачем мне казаться шпаной и бандитом? Не лучше ль податься мне в антисемиты? На их стороне хоть и нету закона, поддержка и энтузиазм миллионов». Очень понятное объяснение. Более того, через две строчки это экономическое объяснение уточняется: поскольку знать идею и принимать её — совсем разные вещи, надо понять: а не будет ли негативных последствий? И вот «лирический герой» этой песни (извините, но это так принято говорить, что это лирический герой) спрашивает: «А вдруг это очень приличные люди? А вдруг из-за них мне чего-нибудь будет?» Согласны, что это та самая модель принятия идеи, которая была формально записана в 1989 году, а сформулирована поэтом на четверть века раньше? Поэтому очень многие идеи, которые мы читаем в художественных произведениях, — результат того самого освоения нашим разумом, разумом художников, как устроены социальные аксиомы того или иного общества.

И последний момент. Есть такая наука «паремиология», она изучает пословицы и поговорки. Так вот, в ряде стран паремиологи построили атласы поговорок и пословиц. Что интересно, во всех странах практически для каждой пословицы существует её отрицание. Сразу пример: «Без труда не вынешь рыбку из пруда» — это все знают. Но у нас же, у русских, есть и другая пословица: «От работы лошади дохнут». Так что соответствует национальному духу? А ничего не соответствует, я имею в виду как целому. Есть люди, которые считают так, а есть другие люди, которые считают иначе. Поэтому поиск таких общих социальных аксиом — штука очень интересная, но надо понимать, и об этом Александр Александрович как раз говорил, что всё это средняя температура по палате: персонально от 30 до 40 градусов, а в среднем вроде как и ничего. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо. Феликс Вельевич, прошу вас.

Ф.В. Разумовский, *автор и ведущий исторической программы «Кто мы?», т/к «Культура»*

Благодарю вас. Судя по нашему сегодняшнему долгому разговору, тема, которая нас собрала, в общем, не очень интересует собравшихся. То есть больше всего интересуют более насущные, как аудитории кажется, вещи — экономика, налоги, региональные какие-то проблемы...

Владимир Владимирович Бортко несколько раз употребил слово «выживание» — к русскому культурному коду никакого отношения это не имеет. Вообще. Ну то есть

вот представляете, вы приезжаете в Кижи, и на острове построено нечто громадное, 22 деревянных купола [церковь Преображения Господня, построенная без единого гвоздя]. Это что, выживание? То есть люди дохнут с голоду, у них нет там, не знаю, полена лишнего — и вдруг они вот эту штуку построили, которую мы никак не могли отреставрировать. И далее можно привести примеры, как вывозили целыми самолетами в 60-е годы рукописные книги с Русского Севера. Там, где вроде бы вообще земледелие, по нашему сегодняшнему понятию, невозможно. Это я к тому, что мы говорили о чём угодно, только не о культурном коде.

Ф.В. Разумовский

Мне кажется, принципиально важный вопрос задал Михаил Иванович [Москвин-Тарханов] уважаемому Андрею Сергеевичу [Кончаловскому] по поводу другого культурного кода в Москве и как его нащупать.

Говорить на тему «Русский культурный геном и его редактирование» [доклад А.С. Кончаловского], то есть редактирование культурного кода, — друзья мои, это невозможно! Вообще создать новый культурный код невозможно! Сегодня не прозвучало имя русского человека, который первым стал предметно говорить на эту тему, — это академик Александр Михайлович Панченко. В его работе, напечатанной в 1984 году, «Культура России в канун Петровских реформ» есть глава «О культурной топике». Так он называл то, что мы сегодня пытаемся обозначить как культурный код, — культурная топика. Так вот главное качество культурной топики (и он это формулирует, естественно), на взгляд этого человека, имевшего, с моей точки зрения, абсолютный исторический слух, — культурная топика есть нечто неотчуждаемое. Он так и называл: «неотчуждаемая топика культуры».

Попытки, что называется, отредактировать, а если быть точнее, взломать культурный код, в истории нашей страны, да, были, конечно. И мы сегодня как раз пожинаем плоды этого «ядерного взрыва». Кстати, один из элементов процесса взламывания культурного кода произошёл на территории нынешнего ядерного центра в Сарове.

То есть в конце войны, когда мы изготавливали атомную бомбу, там возник ядерный центр. Но он возник на месте русской святыни. Там заливали бетоном Дальнюю пустыньку, то есть уничтожали все памятные места, связанные с самым почитаемым русским святым, преподобным Серафимом Саровским.

Мы создавали оружие, без которого нам было не выжить, но одновременно мы продолжали, уничтожая главную русскую святыню, взламывать культурный код и пришли в то состояние, в которое мы пришли. Потому что взлом культурного кода влечёт за собой «всего-навсего» деградацию всей цивилизации. Мы находимся в деградированном состоянии, потому что до сих пор, и особенно в Москве, превращённой в совершеннейший Вавилон, мы взламываем культурный код.

Чтобы вам не было совсем скучно, приведу пример того понятия, которое входит, в отличие от «малиновых пиджаков», в понятие «культурный код». Есть такое русское слово «застень», отсюда такое понятие, как «застенчивость». Это очень важное понятие для русской культуры вообще. Ничего общего со скромностью оно не имеет. Застенчивость — это нечто, заслоняющее солнце, то есть Бога, понимаете? Поэтому любой революционер, который пытается имитировать демиурга или творца, — это заведомый застень, он отвергается русским культурным кодом. Значит, нужно было навязать это взламывание и так далее.

Это небольшой комментарий, потому что тема — громадная. Уж вы простите, конечно, меня, я совершенно дилетант во всех смыслах, но она требует профессионального подхода. Извините, господа. Спасибо большое.

А.Н. Привалов

Спасибо. Семён Аркадьевич, прошу вас.

С.А. Экштут, *заместитель шеф-редактора журнала «Родина»; историк, писатель, доктор философских наук.*

Спасибо большое. Я прослушал два доклада с большим интересом, таких разных и таких в то же время дополняющих друг друга. И эти два разных доклада привели меня к парадоксальной мысли.

С одной стороны, наш культурный код предполагает «вручение себя власти», по Юрию Михайловичу Лотману. Русский человек вручает себя власти, а европеец с этой властью заключает договор. В этом принципиальная разница между Россией и Европой. С другой стороны, этот русский человек к власти относится с большим недоверием. При этом я введу один уточняющий показатель. Владимир Владимирович Бортко говорил, что с момента отмены крепостного права сменилось четыре поколения. Ничего подобного, поколений гораздо больше. Период жизнедеятельности одного поколения — это 25 лет, минимум 20 лет. Таким образом, если взять прямую, непосредственную передачу информации от деда к внуку, мы получаем максимальный период времени протяжённостью в 75 лет. И вот я вам сейчас покажу, что в течение таких отрезков времени по 75 лет это недоверие к власти постоянно воспроизводилось.

Берём Петра Первого. Я не буду говорить то, что мы много раз говорили, и не буду повторять. Один показатель: Пётр Первый облегчил вес монеты в 5 раз. Первоначально стопа — пуд меди, из которого чеканили 8 рублей медной монеты,

то есть 1 копейка весила 2 грамма. В конце жизни Петра из пуда меди чеканили 40 рублей, то есть в 5 раз больше. Стало быть, эта копейка была в 5 раз дешевле. И потом императрица Елизавета Петровна отцовские грехи выкупала: она пятаки петровские изымала из оборота и перечеканивала их в полновесные, полноценные копейки.

С.А. Экштут

Проходит 75 лет после смерти Петра, воцаряется Александр Первый, потом война 1812 года. И те самые ополченцы, которые грудью стоят на Бородинском поле, те самые ополченцы, которые переодеваются в белые рубахи (вспомним Толстого) накануне битвы, шли в ополчение, думая, что им за это дадут волю — и им лично и их семействам. А чем это всё закончилось? Их вернули к помещикам. Более того, те помещики, у которых ополченцев убили, были рады до смерти, потому что им выдали рекрутские квитанции и эти рекрутские квитанции свободно обращались. Такая квитанция стоила 500 рублей. Покупаешь эту квитанцию, и уже не нужно поставлять рекрута из своих крепостных. Это было очень выгодно. И есть мемуарные свидетельства о том, как мелкопоместные помещики и помещицы были очень рады, когда их ополченцев убивали. Потому что они получали за эту убыль собственных крепостных реальные деньги. Об этом не принято было говорить, но так было.

Далее. На оси времени 1839 год, денежная реформа Николая Первого, точнее реформа графа Канкрина. Очень полезная с экономической точки зрения, когда вводится серебряное обращение, полновесный серебряный рубль, в просторечии именуемый целковый. И 3 рубля 50 копеек ассигнациями меняются на полновесный серебряный рубль. Это уже другие деньги. Но психологически человек по-прежнему продолжает считать на старые рубли и полагает, что если он раньше мог спокойно 10 рублей ассигнациями потратить, то он и сейчас может потратить 10 серебряных рублей.

Есть воспоминание барона Андрея Ивановича Дельвига — не поэта, а его племянника, инженер-генерала, строителя московского водопровода, шоссейных и

железных дорог, — который утверждал, что очень многие дворяне разорились после этого. Именно потому и разорились, что психологически не перестроились. Вспомним повесть Льва Толстого «Два гусара»:

> «Наконец, партия кончилась. Как ни старалась Анна Фёдоровна, кривя душою, прибавлять свои записи и притворяться, что она ошибается в счёте и не может счесть, как ни приходила в ужас от величины своего проигрыша, в конце расчёта оказалось, что она проиграла девятьсот двадцать призов. «Это ассигнациями выходит девять рублей?» — несколько раз спрашивала Анна Фёдоровна и до тех пор не поняла всей громадности своего проигрыша, пока братец, к ужасу её, не объяснил, что она проиграла тридцать два рубля с полтиной ассигнациями, и что их нужно заплатить непременно».

Дальше. 1861 год. Отмена крепостного права, времени после денежной реформы прошло всего ничего. Вспомним Некрасова: «Порвалась цепь великая, /Порвалась — расскочилася /Одним концом по барину, /Другим по мужику!..» Недовольны все. Помещики говорят, что в России поколеблено право собственности, — вспомните «Дым» Тургенева, один из генералов произносит эту фразу. С другой стороны, крестьяне мечтают о «чёрном переделе», потому что считают, что их обделили землёй и совсем не наделили лесом. Лес-то им не дали по реформе 1861 года. Опять же, недовольство властью. И оно, это недовольство, воспроизводится, оно передаётся от отца к сыну, от деда к внуку.

Дальше — я пропускаю целый ряд периодов — 14 декабря 1947 года, денежная реформа времён Сталина, когда при обмене за 10 рублей старых давали 1 новый рубль. Реформа носила конфискационный характер: простые люди, которые не верили в сберегательные книжки и хранили свои небольшие сбережения дома, потеряли свои последние гроши. А почему не верили? Потому что, когда началась война, со сберегательной книжки можно было снять только 200 рублей в месяц, не более того. Об этом мало кто знает. А что такое 200 рублей в реалиях 1941–1945 годов? Это одна буханка хлеба на черном рынке. А можно снять только 200 рублей. Я не говорю про элиту, про лауреатов Сталинской премии, которые иначе поступали.

Так вот, в 1947 году Иосиф Виссарионович произносит такую фразу: «Это последняя жертва, которую мы просим от народа». За эти обесцененные деньги, которые ничего не стоят, мы даём полновесный рубль. Рубль оставался полновесным очень небольшой отрезок времени, потому что, когда Хрущёв в 1961 году проводит денежную реформу, по сути, жульническую, золотое содержание рубля-то уменьшается, по-моему, в четыре раза или что-то около того. Ведь оно не меняется пропорционально рублю сталинскому. В итоге мы получаем необеспеченный рубль, который в конечном итоге привёл к дефициту и тому подобному. И в том же самом 1961 году уже деревенское население становится меньше населения городского. Деревенские жители едут в город, они хотят приобщиться к городской культуре, они хотят соответствующим образом одеться и так далее. Я уже не говорю про широковещательное хрущёвское обещание, что через 20 лет будет построен коммунизм и нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме.

Культурный код, наш культурный код, изначально противоречив, потому что включает в себя, с одной стороны, вручение себя власти, с другой стороны, недоверие к этой самой власти. И если говорить философским языком, то ту самую монаду

культурного кода, которую мы будем изучать, монаду по Лейбницу, мы должны изучать её в этом противоречии, изначальном и неустранимом. Вот я думаю, в этом и заключается наш культурный код, в этом не устранённом и неустранимом противоречии. И, как сказал один из генералов, который пострадал несправедливо в 1941 году, был осуждён, потом выпущен с отсрочкой исполнения наказания, потом вновь стал генералом, но так и не был реабилитирован, он был просто прощён, вот он сказал: «На Родину, как и на мать, не обижаются — её защищают». И, может быть, в этой противоречивости и заключается наш культурный код. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо, Семён Аркадьевич. В силу цейтнота я даже не пытаюсь комментировать услышанное, просто спасибо. Рустам, прошу вас. И оповещаю, что проведена черта, больше я не записываю.

Р.Э. Рахматуллин

Спасибо. Я услышал много обобщений разной степени правдивости. Давайте помнить, что масштабные обобщения чреваты неправдой.

Единственным бесспорным утверждением в собрании цитат от Андрея Сергеевича (только не расслышал, со ссылкой на кого, думаю, что на Георгия Федотова) было то, что кодовой особенностью нашей культуры является кирилло-мефодиевская традиция. Федотов комментировал это таким образом, что она отсекла нас от всего греческого и римского. Толкование своеобразное; обычное толкование состоит, напротив, в том, что кирилло-мефодиевская традиция есть форма наследования греческого и римского.

Бесспорно, что традиция перевода богослужения и священных книг является восточно-христианской. Не только русской, но и, конечно, болгарской, сербской, молдо-влахской, грузинской, армянской. (Я всё жду, увидим ли мы атаку латиницы на грузинский и армянский алфавиты. Не ползучий дизайн вывесок, не дублирование уличных указателей, а прямую политическую атаку.) Можно вспомнить, что Закарпатье, которое никогда видимым образом не принадлежало русской княжеской власти, есть фланг кирилло-мефодиевской традиции. Апостол Закарпатья даже не святой Владимир, апостолы Закарпатья сами Кирилл и Мефодий. Это фланг их моравской миссии.

Отсюда множество следствий, одно из которых — различие университетских традиций. На мой взгляд, западный университет возникает рано, в Средневековье, вследствие непричастности к кирилло-мефодиевской традиции. Чтобы понимать священные языки богослужения, нужно было идти в университет. То есть университет был связан с душеспасением. Восточно-христианскому человеку в церкви всё было понятно. Русский университет не имеет отношения к душеспасению, поэтому он поздний; это прекрасное светское излишество. А западный университет — ранний, потому что поначалу служил продолжением церкви. На этом примере видна колоссальная разница между двумя европейскими цивилизационными типами.

Кроме того, русский извод кирилло-мефодиевской традиции предполагает, что каждому, даже самому малому народу, могут быть даны азбука и переводы священных книг. По крайней мере, со Стефана Пермского. Не раньше, иначе не исчезли бы

как языки меря, весь, мурома, мещёра [финско-языковая группа]. А языки, которые присоединяются к России с XIV века, не исчезают.

Русский миссионер шёл к океанам с алфавитами, с переводами книг. Учил языки племён. Вспомните сухопутную часть «Фрегата "Паллада"», где автор возвращается через Сибирь. Это, кстати, лучшее русское литературное оглашение Якутии. Гончаров встречает Иннокентия Камчатского и Аляскинского в Якутске в резиденции. Общается со священниками, которые идут на север, в тундру. Спрашивает: зачем идут? Ему отвечают: «А вдруг там будет народ». — «Но они же кочуют?» — «Кочуют. Можем не встретить».

Это поразительно. Автор спрашивает: «А где там ночевать?» — «Негде. Там станции с шагом в 200 вёрст. Спим в снегу». — «А чем вы греетесь?» — «Топить нечем». Другой священник идёт на юг, кажется на Становое нагорье, и говорит автору: «Нет такого места в Сибири, где бы не побывал русский человек».

Это импульс кирилло-мефодиевский, фантастический и необъяснимый. Из него, возможно, вырастает и то, о чём мы говорили, Александр Александрович, когда говорили о федерализме. Зачем столько полномочий регионам? Зачем национальная государственность тем, кто об этом не просил? Есть в этом что-то стефáновское, что-то кирилло-мефодиевское.

Мне представляется, тут самое объективное из того, что мы сегодня нащупали. Но это больше чем русское. Это и есть Восточный Рим, его импульс. Русский народ простирал эту миссию до границ суши. И даже за границу суши, на следующую сушу, за Берингов пролив. Речь идёт о культурно-историческом типе.

В этой связи огорчило, что мы раз пять упомянули Хантингтона и ни разу не упомянули Данилевского. Впрочем, Шпенглер тоже его не читал. Или сделал вид, что не читал. Не обижайтесь, но, когда тема цивилизационной типологии обсуждается только потому, что её пересказал человек с англосаксонской фамилией, это очень огорчительно. Двухсотлетие Данилевского мы проскочили не заметив. Понятно, каждый день великий юбилей, не успеваешь отметить. Сегодня Пришвин, завтра Шаляпин...

Если Данилевский не заметил раскол Украины, так ведь Галичина была в Австро-Венгрии, а белорусское униатство было, извините за сленг, «по щелчку» снято святителем Иосифом (Семашко).

К слову, Феликс Вельевич, Галичина — это перекодирование, католическое редактирование русского кода. Оно удалось так, что кровью умываемся.

А.Л. Саватюгин, *аудитор Счётной палаты Российской Федерации*

Центральный Банк выпустил памятную монету в честь Данилевского.

Р.Э. Рахматуллин

Конечно, как-то отмечали. Я про сегодняшний разговор. Так много было сказано о культурно-цивилизационном типе — и ни разу о Данилевском, ни даже о Шпенглере. А как бы с конца — от Хантингтона.

А.А. Аузан

С Хантингтоном монету не выпустили, а с Данилевским Центральный Банк выпустил.

Р.Э. Рахматуллин
Это аргумент.

А.Н. Привалов
Спасибо, Рустам. Предпоследний сегодняшний выступающий — Ирина Михайловна, прошу вас.

И.М. Коробьина, *профессор МАРХИ, кандидат архитектуры*
Огромное спасибо Александру Александровичу, Андрею Сергеевичу и почти всем выступающим за очень интересные и своевременные мысли. Но эту тему — тему культурного кода нации, — на мой взгляд, невозможно раскрыть, не коснувшись темы национального ландшафта. Думаю, она лежит в основе понятия культурного кода нации, или, по крайней мере, является её огромной составляющей.

И.М. Коробьина

Национальный ландшафт формируется в основном архитектурой, потому что родные берёзы и осины мы можем увидеть и в Финляндии, и в Канаде. А когда мы видим, допустим, церковь Покрова на Нерли или храм Василия Блаженного, сразу понятно: вот она, Россия! Есть такое понятие landmark [*англ*. межевой знак, веха] — чем метится земля. А земля метится всё-таки созданными талантом, интеллектом, наконец, руками человека выдающимися объектами, которые как раз и выражают время и некую идею этого времени. И, в общем, архитектура — это такое искусство, где личность автора минимизирована, каждая постройка — это всё равно консенсус многих сил и энергий, задействованных в процессе строительства. И какая архитектура — такое и время, какая архитектура — такая и страна. В этом смысле можно сказать, что архитектурное наследие несёт в себе генетический код нашей культуры и составляет основу единства и преемственности государственной истории.

Основу российского национального ландшафта закладывали зодчие Киевской и Московской Руси, русских княжеств, Новгородской и Псковской республик. Потом этот ландшафт развивался великими последующими архитекторами, допустим, классицизма, в том числе и иностранцами, которых привлекал Пётр и которые вносили в национальные ландшафты некий диалог с Европой. И это тоже характерно для российского национального ландшафта того времени.

Советское время оставило не только авангард и сталинский ампир, но и районы массовой жилой застройки, которые, кстати, нивелировали особенность ландшафта национальных республик. А постсоветский период, особенно «дикий капитализм», выявил очевидное: национальные ландшафты — это величина не постоянная. Она меняется, и не только наращивается, но может и уничтожаться.

Вот сегодня говорили о том, что в России нет уверенности в будущем. Да, это так — нет у нас стопроцентной уверенности в будущем. Думаю, уничтожение архитектурного наследия здесь одна из серьёзных причин. Для человека очень важно ощущать себя частью бесконечной цепочки бытия. И когда мы видим памятники прошлого, мы понимаем, что наши родители, прародители, прапрародители жили в этой среде. Для нас это материальное воплощение устойчивого развития и понимания того, что и после нас это продолжит существовать. Когда же мы видим уничтожение наследия, мы понимаем, что мир турбулентен, всё стирается и вместе с этим возникает большой вопрос: есть будущее или его нет?

Сегодня наше время особенное, и мне кажется, что тема национального ландшафта становится ключевой для национального самоуважения — оно страдает, когда мы теряем значимые для нас, для нашей культуры памятники. Само понятие национального ландшафта играет ключевую роль в культурном самоопределении, в определении культурного кода нации и, если хотите, в осмыслении национальной идеи. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Руслан Семёнович, очень коротко, пожалуйста.

Р.С. Гринберг

Я постараюсь очень коротко. Первое — оба доклада были очень содержательными. И я хочу сказать, что действительно код культурный существует и постоянно меняется.

Расскажу историю. У меня есть один немецкий друг, большой предприниматель, он занимает очень большую должность в «Фольксваген» в Калуге уже в течение 15 лет. И вот он мне рассказывает, в чём отличие немцев от русских. У него 10 заместителей немцев и 10 русских — в чём разница? И он говорит то, что говорил господин Кончаловский. Когда происходят всякие аварии на предприятии, то русские ведут себя абсолютно спокойно, организованно, грамотно. Немцы все разбегаются, у них большой страх. Но когда во время совещания директор компании предлагает обсудить какой-то вопрос, то немцы очень активны, а русские молчат. Почему? Потому что «ты начальник — я дурак», и каждый боится сказать что-то лишнее.

И вот совсем недавно тот же мой друг сказал мне, что это всё почти исчезло. Я это говорю для того, чтобы сказать, что всё меняется. Речь идёт об унификации кодов,

гомогенизации. Что бы ни случилось с глобализацией сегодня, но она работает. И этот факт важно учитывать. Это что-то хорошее, здесь благоприятная перспектива.

Второй момент. Александр Александрович Аузан, я считаю, лучший институциональный экономист в России. Но он сегодня не говорил о том, что наша теперешняя беспрецедентная неопределенность, беспрецедентная тревога, которой не было никогда… Мне 77 лет, и я никогда не сталкивался с такой тревогой. А всё дело в том, на мой взгляд, что институты, во всяком случае формальные институты, абсолютно никем не поддерживаются в России. Они не считаются такой важной вещью. А я считаю, это самая важная вещь. И все наши тревоги и теперешний военный конфликт связаны только с тем, что политическая целесообразность всегда превыше институтов.

Это отчётливо выявилось уже в 1993 году. А особенно в 1996-м, когда политическая целесообразность состояла в том, что «у нас уже хороший президент, поэтому пусть он остается, а правила — ну, мы их нарушили сейчас, мы мошеннически выиграли выборы для него, а потом мы, конечно, уже будем действовать правильно». И это, я считаю, порок ментальности. И только преданность институтам и отрицание примата политической целесообразности над институтами, над их ценностями — только это может как-то исправить положение дел. Спасибо.

А.Н. Привалов

Спасибо большое. Несколько слов хотела сказать Мария Сергеевна Капица. Прошу вас.

М.С. Капица, *доцент психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, дочь С.П. Капицы*

Я хотела сказать большое спасибо всем! Отец был бы в восторге, что более 20 лет его дело живёт, что собирается аудитория, обсуждают самые разные проблемы, спорят, не доходя до каких-то резких высказываний. Эта ситуация мне кажется довольно уникальной в наше время, и я очень рада, что силами Никитского клуба эта традиция продолжается и Наталия Михайловна [Румянцева] и все вы её поддерживаете. Так что это лучший способ отметить такую торжественную дату со дня рождения нашего отца.

А.А. Аузан

Друзья мои, прошу прощения, у меня в кабинете стоит портрет Сергея Петровича, подаренный им самим! Он же в нашем здании, в новом здании экономического факультета последние годы работал.

М.С. Капица

Там была редакция журнала [«В мире науки»].

А.А. Аузан

Совершенно верно, да. И поэтому у меня такой подарочек до нынешних времён в моем кабинете.

М.С. Капица

Так что спасибо большое за такой чудный день рождения!

М.С. Капица

А.Н. Привалов

Спасибо, Мария Сергеевна. Я вообще человек весьма лаконический, а в сегодняшней ситуации мне было бы совсем уж глупо говорить длинное заключительное слово. Не очень поддаётся подытоживанию то, что мы сегодня сказали и услышали, поэтому позвольте мне, уже не знаю, в который раз, но, ей-богу, искренне поблагодарить докладчиков. Александр Александрович, просто жалко, что мы не смогли вам задать ещё штук 40 вопросов, мы бы услышали ещё много интересного.

Единственный урок, который, мне представляется, все мы могли извлечь из сегодняшнего разговора, заключается в том, что то, что происходит вокруг нас, — как бы оно ни было животрепещуще, горячо, тревожно, — оно всегда имеет несопоставимо более длинные корни, чем мы успеваем в суете осознать. И с несопоставимо бóльшим трудом, чем кажется власть имущим, поддаётся переменам. И чем больше мы об этом знаем, тем больше у нас шансов на продолжение нашего национального генома, национального кода — уж как хотите, так называйте. Метафора не очень удачная, но мы все к ней привыкли.

Всем спасибо! И приглашаем всех поднять бокалы в честь 95-летия Сергея Петровича!

Приложение

Выступление академика РАН К.В. Анохина на заседании «Девяностолетие С.П. Капицы и юбилейный доклад Римского клуба»

Никитский клуб, 13 февраля 2018 г. Выпуск № 92

С. П. Капица — дуайен науки

Мне посчастливилось знать Сергея Петровича в последнее десятилетие его жизни. Ясно, что многие могут поделиться гораздо большим количеством воспоминаний о Сергее Петровиче.

К. В. Анохин

Моё сообщение называется «Сергей Петрович Капица — дуайен науки». Я впервые для себя сформулировал это в 2007 году, поводом был опрос ВЦИОМ большой группы разных слоёв населения России, где просили назвать три-пять видных российских ученых-современников. Результатов было несколько. Первое: 67% населения уже в 2007 году не знали трёх российских учёных-современников. Второе: была составлена таблица для тех, которые знали. Первое место (10%) занял Королев, второе (7%) — Алферов, третье место поделили Капица и Сахаров (по 6%). Называя фамилию Капица, кто-то имел в виду Петра Леонидовича, кто-то — Сергея Петровича, но последних было больше. Опрос был проведён ВЦИОМ ещё дважды: в 2011 и в 2013 годах. Потом прекратили, потому что в 2011 году уже 81% населения России не мог назвать трёх российских учёных, в 2013-м примерно столько же: 79%, то есть восемь из десяти. Но оба раза первое место среди названных занимал Алфёров, а второе — Капица, собирательный образ семьи Капиц.

Это многое говорит о положении науки у нас в стране, о состоянии науки и общества.

Но вернёмся к Сергею Петровичу. Помните советский анекдот, когда в будущем кто-то заглядывает в энциклопедию, чтобы узнать, что написано об одном из генеральных секретарей ЦК КПСС, и читает, что это мелкий политический деятель эпохи Сахарова и Солженицына? Я задумался: каких выдающихся учёных люди смогут назвать через пятьдесят лет, какие имена останутся в истории, что такое история страны и какова наша ответственность перед ней?

Сергей Петрович был выдающимся физиком, но я хочу подчеркнуть вторую половину его научной жизни и важность того, что он сделал в этот период. Я воспользуюсь аналогией, близкой учёным. Есть такой известный американский физик Джеффри Вест, он работал в Стэнфорде и в Национальной лаборатории Лос-Аламоса, а когда в 1993 году Сенат США не разрешил строительство суперколлайдера в Техасе, он ушёл из физики. Про этот период он пишет следующее: «At first I was devastated. I had all these great experiences planed, but then I realized what that physics are very good at is finding laws» — «Поначалу я был опустошён. У меня были большие экспериментальные планы, но потом я понял, что физики очень хороши для нахождения законов». «Нахождение законов» — «мы хороши в том, чтобы проникнуть в смысл сложности».

И он занялся совершенно далёкой, казалось бы, от теоретической физики областью — теорией городов и показал поразительные вещи: описывая физико-математически население города, можно получить предсказание о происходящем в этом городе — каковы налоги, преступность, безработица, количество и процент занятых мест, и это абсолютно не зависит от того, в какой стране находится город, какова национальность людей, живущих там, и так далее. Это описывается некоторыми общими физико-математическими зависимостями.

Сергей Петрович, по сути, оказался в такой ситуации в девяностые, когда физические исследования было крайне сложно продолжать. И он обратился к гораздо более глобальной проблеме — к рассмотрению не городов, а человечества как системы и физико-математическому её описанию. На мой взгляд, он опередил своё время, а такой глобальный подход к динамике всего человечества с использованием строгих физико-математических законов ещё предстоит развивать в будущем.

Моё сообщение носит другое название. Теория, которую я хочу предложить, называется «Капица — хаб». Это похоже на теорию о нашем выдающемся революционном деятеле — «Ленин — гриб». Это не мистификация. Я надеюсь, что и Сергей Петрович, и Пётр Леонидович, которые любили озорство, оценили бы это.

Моя попытка заключается в том, чтобы уникальность Сергея Петровича представить как закономерность, то есть найти те правила и алгоритмы, создавшие феномен Сергея Петровича Капицы. Если коротко, любое общество можно описать как сеть, и начиная с тридцатых годов, с работ Морено[1], построения социограмм и дальнейших исследований математиков и физиков, занимающихся сложными сетями, существует большая литература о том, как строить социальные сети.

[1] Джекоб (Якоб) Леви Морено (1889–1974) — психиатр, психолог и социолог. Основатель психодрамы, социометрии и групповой психотерапии.

Одно из ключевых понятий в описании этих сетей — понятие хаба. Хаб — это узел сети, хабами могут быть, например, аэропорты в воздушных коммуникациях, где сходится большое количество связей с другими узлами этой сети — входных и выходных. Например, аэропорт Франкфурт является крупным хабом в сети воздушных связей.

В социальных сетях тоже существуют хабы. Это те узлы, те личности, которые имеют наибольшее количество связей с другими личностями, через них проходят огромные потоки социальных коммуникаций. И если в модели социальных сетей, имеющих такую структуру, разрушить хаб, то сеть распадается или существенно страдает, по сравнению с разрушением любого другого узла, который называется переферичным, или провинциальным. Более того, такие хабы образуют связи друг с другом — это тоже закономерность, которая была найдена и в социальных сетях. Я занимаюсь мозгом и сетями мозга, поэтому могу сказать, что то же самое происходит и в нервных сетях, когнитивных сетях мозга.

Самые «богатые» хабы в социальных сетях взаимодействуют друг с другом — это называется reach club, «клуб богатых». Клуб богатых, с одной стороны, потому что в социальных системах люди богатые и знаменитые образуют некий конгломерат тесно знающих друг друга — это могут быть и политические деятели, и бизнесмены, и актёры. Но это и математическое обозначение личностей, богатых связями.

Пётр Леонидович и Сергей Петрович Капицы

С моей точки зрения, феномен Сергея Петровича заключался в том, что он был дважды хабом. Первый хаб он, по сути, унаследовал от своей семьи, от Петра

Леонидовича Капицы, от Алексея Николаевича Крылова[2]. Семья Капиц была уникальным явлением в истории культуры — не только науки — XX века. Она имела связи, даже связи родства со многими известными фамилиями русской интеллигенции. Она имела связи с широкими кругами учёных в России, а также с широкими кругами людей искусства, литературы, поэзии. В этой семье радушно и открыто принимали самых разных людей. Сергей Петрович аккумулировал и унаследовал и эти связи, и знания этих людей, высокий уровень обсуждения проблем культуры и науки.

Это касалось также и международных связей, потому что через Петра Леонидовича семья была знакома с очень большим кругом учёных мирового уровня за границей. И в этом смысле Сергей Петрович оказался своего рода хабом, соединившим круги научной интеллигенции и круги культурной интеллигенции. Мы помним также, что Пётр Леонидович имел обширную переписку и контакты с властью, никогда не чурался разговоров с властью и объяснений, что такое наука. Сергей Петрович тоже имел такие контакты.

Вторая часть моей теории заключается в следующем. Сергей Петрович со всеми этими связями унаследовал ещё очень важную историческая ветвь: от Алексея Николаевича Крылова он получил в наследство библиотеку. После смерти Алексея Николаевича в 1945 году он получил возможность в огромной библиотеке, которая в основном отошла Военной морской академии, отобрать около тысячи томов трудов классиков науки, которые сопровождали его всю жизнь. И ему пришла в голову совершенно гениальная идея — рассмотреть всю историю науки через призму введений, которые написали эти великие люди к своим трудам[3]. Именно в введении учёные пишут самое главное о том, что они хотели сказать в своём труде.

Сергей Петрович был хабом ещё и историческим — в том смысле, что собрал несколько сотен таких введений от самых истоков науки до современности. Туда не вошли только те великие учёные, которые ещё были живы. Это была первая часть концентрации.

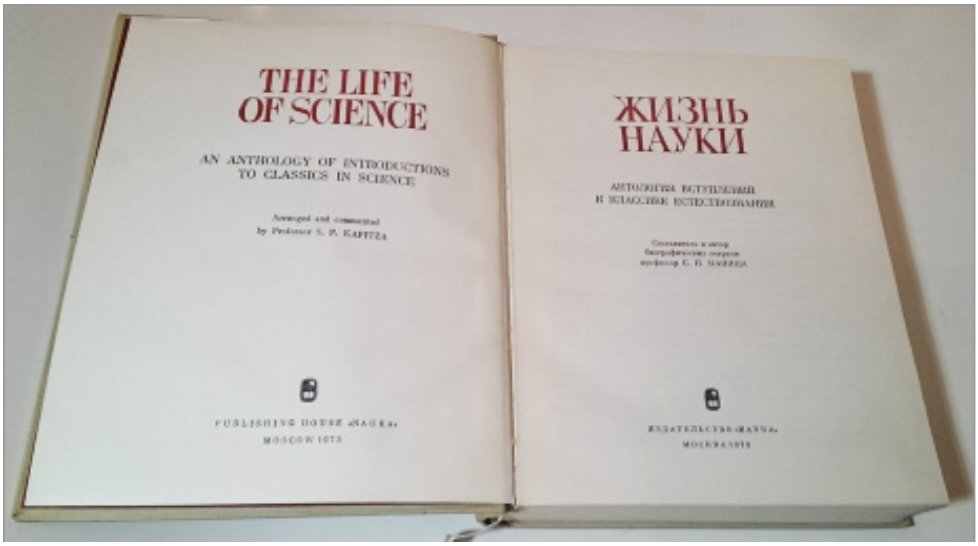
Вторая уникальная часть хаба Сергея Петровича — передача «Очевидное — невероятное», этот синтез, который происходил у него в голове, потому что хаб может собирать какую-то информацию аккумулятивно, только если он имеет ассоциативную память — человеческий разум. Сергей Петрович собрал всю эту информацию и с появлением передачи «Очевидное — невероятное» получил возможность выплеснуть это практически на протяжении тридцати восьми лет в еженедельных рассказах в общении с представителями всех слоёв культуры. Переплетение тем о науке, об общественных процессах, о социальной роли науки в развитии общества на основе знания истории науки на протяжении нескольких столетий — вот то, о чём он разговаривал с экрана со всем населением СССР. Это была уникальная ситуация, поскольку хаб распространял информацию благодаря телевидению

---

[2] Крылов Алексей Николаевич (1863–1945) — русский и советский математик, механик и кораблестроитель; академик Петербургской АН/РАН/АН СССР; профессор Морской академии; генерал флота, генерал для особых поручений при морском министре Российской империи. Дед по материнской линии С. П. Капицы.

[3] Капица С. П. Жизнь науки. М.: Наука, 1973.

уже не отдельным контактам, как происходило в семье Петра Леонидовича, а миллионам людей каждую неделю. К каждому человеку, который смотрел телевизор, тянулась нить ребра этой социальной связи и подпитывала, воспитывала население нашей страны.



Жизнь науки. Антология вступлений к классике естествознания.
Составитель и автор биографических очерков профессор С.П. Капица.

Любая теория интересна и важна тем, что, каким бы уникальным ни был наблюдаемый факт, она позволяет представить вытекающую из определённых правил закономерность, некий алгоритм. Проверка теории может быть основана уже совершенно на другом примере, и я могу привести один–два известных мне в мире примера, которые повторяли феномен Сергея Петровича Капицы. Они абсолютно разные, но принцип такой же.

В Америке есть очень известный издатель и литературный агент Джон Брокман. В шестидесятые годы он был частью нью-йоркского культурного потока художников, писателей, поэтов, сам писал стихи. В какой-то момент он заинтересовался наукой и стал литературным агентом огромного числа выдающихся учёных Европы и Америки, которые начали разговаривать с публикой, с обществом. Выпуская их труды, одновременно он начал суммировать это и выдвинул очень важную идею и написал книгу «Третья культура».

«Третья культура» — это, конечно, рефрен к работе Чарльза Перси Сноу[4] «Две культуры и научная революция». Это о том, что учёные должны разговаривать с обществом, объяснять что-то обществу, они не должны быть инкапсулированы в своих башнях из слоновой кости. И то, что происходило в Америке с девяностых годов,

[4] Чарльз Перси Сноу (1905–1980) — английский писатель-реалист, физик, химик и государственный деятель.

в значительной степени было инициировано Брокманом с появлением интернета, сайта *Edge*, созданного им для общения учёных с обществом[5].

По сути, это повторение ситуации, которая произошла с Сергеем Петровичем Капицей в СССР. Только я считаю, что при сходстве алгоритма феномен Сергея Петровича был гораздо глобальнее, глубже, интеллигентнее, интереснее и массивнее по своему эффекту.

---

[5] В 1991 году я выдвинул идею третьей культуры: к ней относятся учёные и мыслящие практики, которые благодаря своей работе и внятным высказываниям вытесняют традиционных интеллектуалов в формировании зримых глубинных смыслов нашей жизни, по-новому определяя, кто мы и что мы. В 1997 году благодаря развитию Интернета мы создали «дом» третьей культуры в Сети, веб-сайт Edge (http://www.edge.org)». http://vikent.ru/author/1877/

Никитский клуб

Цикл публичных дискуссий
«Россия в глобальном контексте»

Выпуск 122
Культурный код нации
В честь дня рождения С.П. Капицы

Редактор выпуска *Наталия Румянцева*

nikitskyclub@moex.com
www.nikitskyclub.ru